

Н. В. Шелгуновъ въ ссылкѣ.

(По неизданнымъ источникамъ.)

Эпоха шестидесятыхъ годовъ выдвинула цѣлый рядъ крупныхъ и блестящихъ дѣятелей какъ въ области общественной жизни, такъ и въ области литературы и журналистики. Въ большинствѣ случаевъ это были не только выдающіеся таланты, не только сильные умы, но и замѣчательные характеры. Это были цѣльные, послѣдовательные люди, глубоко проникнутые сознаниемъ гражданского долга передъ страной и народомъ, чуждые рефлексии и російской дряблости,—борцы, у которыхъ слово не расходилось съ дѣломъ.

Свои взгляды и убѣжденія они смѣло проводили въ жизнь, игнорируя опасности, угрожавшія имъ со всѣхъ сторонъ. Они прямо смотрѣли въ глаза своимъ врагамъ и во имя идей, которыя считали правыми, не колеблясь жертвовали всѣмъ тѣмъ, за что такъ жадно цѣпляются обыкновенные, рядовые, средніе люди. Самыя мрачныя перспективы, вродѣ крѣпости, ссылки, каторги, не пугали ихъ.

Я не буду называть здѣсь, не буду перечислять этихъ именъ, такъ какъ они слишкомъ хорошо извѣстны и памятны русскому обществу. Среди этихъ именъ, среди этихъ лицъ Николай Васильевичъ Шелгуновъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Заслуги Шелгунова въ дѣлѣ развитія русскаго общественнаго сознанія давно уже оцѣнены и русской печатью и русской интеллигенціей. Для этого, между прочимъ, немало было сдѣлано покойнымъ Н. К. Михайловскимъ, который хорошо и близко зналъ Шелгунова и въ теченіе многихъ лѣтъ находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ и вступительныхъ статьяхъ къ сочиненіямъ Шелгунова, Михайловскій далъ подробную характеристику Николаю Васильевичу какъ писателя и общественнаго дѣятеля и въ то же время со свойственнымъ ему мастерствомъ и талантомъ нарисовалъ нравственный обликъ своего друга.

Но Михайловскій просто въ силу цензурныхъ условій того времени

совѣтъ не имѣлъ возможности не только освѣтить и выяснить біографію Шелгунова, но даже затронуть наиболѣе интересныя стороны его жизни. Онъ не могъ коснуться тѣхъ преслѣдованій, которыя въ такомъ изобиліи сыпались на Николая Васильевича въ теченіе долгихъ лѣтъ и благодаря которымъ вся его жизнь, начиная съ 1862 года, сложилась въ высшей степени неблагопріятно. Въ силу необходимости Михайловскій принужденъ былъ въ своемъ очеркѣ ограничиться лишь туманными намеками на тѣ „житейскія бури“ и „жесточайшіе удары“, которые приходилось испытывать и переживать Шелгунову. Но въ чемъ собственно состояли эти „бури“, эти „жесточайшіе удары“,—Михайловскій не говорить ни слова.

Когда въ послѣдніе годы цензурныя рамки нѣсколько раздвинулись, въ печати появились сообщенія, пролившія нѣкоторый свѣтъ на эти стороны біографіи Николая Васильевича. Появились свѣдѣнія, знакомившія съ исторіей, вызвавшей арестъ Шелгунова и заключенія его въ Петропавловской крѣпости. Но до самаго послѣдняго времени не было никакихъ извѣстій объ условіяхъ жизни Н. В. въ ссылкѣ. Между тѣмъ въ качествѣ административнаго ссыльнаго Шелгунову пришлось провести долгіе годы въ разныхъ захолустьяхъ Россіи, вродѣ Тотмы, Устюга, Никольска, Кадникова и т. д. Въ виду этого представляется не только интереснымъ, но и существенно важнымъ познакомиться съ этимъ періодомъ жизни выдающагося дѣятеля. Далѣе мы укажемъ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ такое знакомство, даже помимо личности Шелгунова, имѣетъ несомнѣнно *общій* интересъ, крупное общественное значеніе.

Для читателей же *Русской Мысли* Шелгуновъ особенно близокъ и дорогъ, такъ какъ именно въ этомъ журналѣ въ теченіе ряда лѣтъ, начиная съ 1885 года и до самой смерти Николая Васильевича ¹⁾, печатались его знаменитые „Очерки русской жизни“, вызывавшіе постоянно живой и горячій интересъ въ обществѣ и печати.

Особенно громкій успѣхъ эти „Очерки“ имѣли среди молодежи и среди широкихъ слоевъ демократически настроеннаго населенія. И хотя имя Н. В. Шелгунова всегда пользовалось уваженіемъ въ передовыхъ кругахъ русскаго общества, но его „Очерки русской жизни“ завоевали ему особенно глубокія симпатіи и популярность.

I.

Въ крѣпости.

Судьба Шелгунова одно время тѣсно переплетается съ судьбой другого крупнаго дѣятеля шестидесятыхъ годовъ, поэта и публициста, про-

¹⁾ Шелгуновъ умеръ 12 апрѣля 1891 г.

повѣдника женской эмансипаціи, Михаила Иларіоновича Михайлова. Въ виду того, что первые „жесточайшіе удары“, обрушившіеся на голову Николая Васильевича, находятся въ прямой и тѣсной связи съ его знакомствомъ съ М. И. Михайловымъ, намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, которыя существовали между этими двумя представителями русской общественной мысли того времени.

Шелгунова и его жену соединяла съ Михайловымъ давнишняя и тѣсная дружба, вытекавшая прежде всего изъ полной солидарности ихъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ и стремлений. Всѣ трое пережили одни и тѣ же настроенія; у всѣхъ троихъ была одна вѣра, одни идеалы, они молились однимъ богамъ. Но еще важнѣе было то, что всѣ трое признавали одни и тѣ же средства, вѣрили въ одни и тѣ же пути для достиженія завѣтныхъ цѣлей и идеаловъ. И хотя эти пути были и тернисты, и рискованы, и обставлены всевозможными опасностями, но все это нимало не пугало ихъ, нимало не расхолаживало ихъ горячаго энтузіазма. Можно думать, что сознаніе неизбежности этихъ опасностей на избранномъ пути еще прочнѣе и крѣпче сковывало ихъ чувство взаимной дружбы и уваженія.

И когда Михайлова, осужденнаго, „лишеннаго всѣхъ правъ“, съ обритою головою и закованнаго въ кандалы, жандармы повезли въ далекую Сибирь, „въ мракъ и холодъ рудника“,—Шелгуновы, не задумываясь, бросаютъ Петербургъ и все, что тамъ привязывало ихъ, и направляются вслѣдъ за близкимъ ихъ сердцу изгнанникомъ.

Зачѣмъ, съ какой цѣлью?

На этотъ вопросъ недавно былъ данъ въ печати вполне опредѣленный отвѣтъ. Отправляясь въ Сибирь, къ Михайлову, Шелгуновы имѣли цѣлью освободить его, чтобы затѣмъ всѣмъ троимъ бѣжать за границу. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г-жа Дубровина въ своей статьѣ, посвященной памяти М. И. Михайлова ¹⁾.

М. К. Лемке, приводя въ своемъ очеркѣ судебного процесса Михайлова ²⁾ это утвержденіе, принимаетъ его за чистую монету, вполне соглашается съ нимъ и ни единымъ словомъ не выражаетъ сомнѣнія въ точности и справедливости увѣренія г-жи Дубровиной, хотя съ ея стороны не было представлено рѣшительно никакихъ доказательствъ, которыя подкрѣпляли бы ея голословное утвержденіе. Быть можетъ, въ распоряженіи г. Лемке имѣются какія-нибудь другія данныя, доказывающія справедливость заявленій г-жи Дубровиной,—въ такомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы онъ опубликовалъ ихъ.

¹⁾ *Бесѣда*, 1905 г., № 12.

²⁾ „Политическіе процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго. Слб., 1907 г., стр. 84.

По нашему мнѣнію, утвержденіе г-жи Дубровиной является лишь простой догадкой, пока ровно ничѣмъ не подкрѣпленной; по обстоятельствамъ дѣла догадка эта представляется въ значительной степени довольно-таки фантастической. Со своей стороны мы думаемъ, что, отправляясь въ Сибирь, къ Михайлову, Шелгуновы прежде всего руководствовались влеченіемъ дружбы и естественнымъ чувствомъ признательности къ человѣку, который великодушно и самоотверженно принялъ на себя вину одного изъ нихъ и затѣмъ сдѣлалъ со своей стороны все для того, чтобы избавить ихъ отъ всякой отвѣтственности въ дѣлѣ распространенія прокламацій, т.-е. въ томъ дѣлѣ, за которое онъ такъ жестоко пострадалъ.

Они сѣѣшили по возможности облегчить тяжелую участь, которая ожидала ихъ друга на каторгѣ, особенно на первыхъ порахъ, желали хоть сколько-нибудь скрасить существованіе больного, измученнаго крѣпостью близкаго имъ человѣка, столь явно доказавшаго имъ свою привязанность, свое расположеніе.

Если бы мысль объ эмиграціи дѣйствительно занимала Шелгунова, то, конечно, онъ вспомнилъ бы о ней и навѣрное попытался бы осуществить ее, находясь въ ссылкѣ, въ глуши Вологодской губерніи, гдѣ онъ—какъ мы сейчасъ увидимъ—страшно томился долгіе годы. Однако, сколько намъ извѣстно, нѣтъ никакихъ указаній, которыя бы давали право думать, что Шелгуновъ когда-либо лелѣялъ планы относительно оставленія Россіи и бѣгства за границу.

Какъ бы то ни было, но Шелгуновы помчались вслѣдъ за своимъ опальнымъ другомъ въ тундры холодной Сибири, въ далекое Забайкалье, захвативъ съ собой своего ребенка, маленькаго Мишу. Съ ихъ стороны это было вызывающе смѣло. Можно даже сказать, что это былъ поступокъ „безумно храбрый“. И дѣйствительно, они жестоко заплатились за свой благородный порывъ.

Михайловъ жилъ въ Нерчинскомъ округѣ, на Казаковскомъ промыслѣ, на которомъ служилъ его родной братъ, горный инженеръ П. И. Михайловъ. Здѣсь Шелгуновы спокойно прожили два мѣсяца, находясь почти все время въ обществѣ своего петербургскаго друга. Но затѣмъ послѣдовалъ приказъ изъ Петербурга объ арестѣ полковника Шелгунова и его жены. Послѣ ареста они были перевезены въ Иркутскъ, откуда Николая Васильевича съ жандармами отправили въ Петербургъ.

По приѣздѣ туда, онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, въ которомъ ему и пришлось просидѣть въ одиночномъ заключеніи годъ и семь съ половиной мѣсяцевъ. Какъ онъ перенесъ столь продолжительное заточеніе? Какъ отразилось оно на его здоровьѣ и психикѣ?

Тюрьма влияетъ различно на различныхъ людей. Есть люди, которые

сравнительно легко переносятъ и лишеніе свободы, и одиночное заключеніе, и тяжелыя условія тюремнаго режима,—особенно въ молодости. Я зналъ одного очень дѣятельнаго и энергичнаго человѣка,—получившаго впослѣдствіи почетную извѣстность,—который, просидѣвъ два-три мѣсяца въ заключеніи, вышелъ оттуда замѣтно пополнѣвшимъ и даже какъ будто поздоровѣвшимъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя до заключенія въ тюрьму. На мой вопросъ по этому поводу онъ отвѣчалъ приблизительно такъ:

— Дѣйствительно, я поправился за время моего сидѣнія въ тюрьмѣ; я объясняю это тѣмъ, что на свободѣ мнѣ все время приходилось постоянно бѣгать и мыкаться по разнымъ дѣламъ, „безъ отдыха и сроку“; въ тюрьмѣ же я, конечно, сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Обложился книгами, очень много читалъ по вопросамъ, меня интересующимъ; могу сказать, что увлекался чтеніемъ, и такимъ образомъ чувствовалъ себя недурно, забывая подчасъ, что сижу въ четырехъ стѣнахъ“.

Но подобные случаи, конечно, въ высшей степени рѣдки; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ тюрьма и одиночное заключеніе оказываютъ разрушающее вліяніе какъ на здоровье заключенныхъ, такъ и на ихъ психику. Наконецъ, есть организмы, которые прямо не въ состояніи переносить даже кратковременнаго заключенія. На такихъ лицъ даже два-три мѣсяца тюрьмы отзываются самымъ гибельнымъ образомъ и нерѣдко влекутъ за собой роковыя послѣдствія. Необходимо признать, что тюремный режимъ начала 60-хъ годовъ былъ гораздо слабѣе и легче для заключенныхъ, чѣмъ двадцать лѣтъ спустя; не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ 80-хъ годовъ условія заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, какъ видно изъ описаній П. С. Поливанова и М. Ф. Фроленка, были значительно суровѣе, чѣмъ въ „эпоху великихъ реформъ“.

Въ то время, т.-е. въ 60-хъ годахъ, на пищу и чай заключеннымъ отпускалось по 50 копеекъ въ день на человѣка. Обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники давалось что-нибудь сладкое, а въ царскіе дни еще и по стакану винограднаго вина. Утромъ и вечеромъ подавался чай съ французской булкой. Бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ, топилась два раза въ мѣсяцъ. Заключенные пользовались крѣпостной библіотекой, состоявшей изъ книгъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Затѣмъ каждому заключенному выдавались письменныя принадлежности и бумага ¹⁾.

Сидя въ равелинѣ, Шелгуновъ могъ заниматься литературными ра-

¹⁾ „Алексѣевскій равелинъ въ 1861—65 гг.“. И. Борисова. *Русская Старина*, 1901 г., № 12, стр. 576.

ботами и переводами, могъ получать съ воли книги и даже новыя, только что вышедшія книжки журналовъ. Онъ писалъ тогда журнальныя статьи для *Русскаго Слова*, издававшагося въ то время Благосвѣтловымъ, и хотя статьи эти должны были проходить цензуру коменданта и даже III отдѣленія, тѣмъ не менѣе онѣ не терпѣли отъ этого особеннаго урона. Обыкновенная, специальная цензура постоянно оказывалась гораздо строже и придирчивѣе цензуры крѣпостной и даже жандармской. Письма Шелгунова изъ крѣпости къ женѣ переполнены жалобами именно на эту цензуру.

Но казематъ всетаки остается казематомъ, и продолжительное заключеніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ не могло, разумѣется, не отразиться на здоровьѣ и самочувствіи Николая Васильевича самымъ тяжелымъ образомъ. Въ письмахъ его къ женѣ изъ Петропавловской крѣпости встрѣчаются указанія на нездоровье и нервное расстройство, вызванныя, конечно, тюремнымъ заключеніемъ.

„Нервы, мои нервы сильно ослабѣли,—пишетъ онъ женѣ 16 февраля 1864 года,—придется цѣлый годъ лѣчиться“... Спустя нѣсколько дней послѣ этого онъ пишетъ: „Чувствую грудную боль. Думаю, это оттого, что нѣсколько дней сряду я былъ въ очень раздраженномъ состояніи, а вчера такъ рѣшительно былъ со мной какой-то нервный припадокъ“.

Позднѣе, уже находясь въ ссылке, Николай Васильевичъ болѣе откровенно писалъ своей женѣ о вліяніи, какое произвело на него заключеніе въ равелинѣ. „Ты бы меня совсѣмъ не узнала,—писалъ онъ изъ Устьюга,—такой я спокойный, кроткій и тихій—точно и не я, а *всему причиной продолжительное заключеніе*, которое совсѣмъ измѣнило меня, т.-е. разбило и обезсилило, такъ что вышелъ изъ меня почти весь перепецъ“...

И наконецъ изъ Никольска въ 1866 году онъ писалъ женѣ: „Не забывай того, что крѣпость унесла у меня на 10 лѣтъ силы и здоровья“ ¹⁾.

Въ чемъ же состояли обвиненія, возведенныя на человѣка, котораго такъ жестоко карали?

II.

Административная ссылка.

Генераль-аудиторіатъ, „разсмотрѣвъ военносудное дѣло объ отставномъ полковникѣ корпуса лѣсничихъ Николаѣ Васильевичѣ Шелгуновѣ“, нашелъ его виновнымъ въ цѣломъ рядѣ очень серьезныхъ, очень важныхъ преступленій. Судите сами.

¹⁾ Л. И. Шелгунова: „Изъ далекаго прошлаго“. Спб., 1901 г., стр. 193.

Во-первыхъ, оказалось, что „Шелгуновъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ“. Во-вторыхъ, онъ оказался виновнымъ въ томъ, что „велъ переписку съ разжалованнымъ изъ отставныхъ корнетовъ въ рядовые Всеволодомъ Костомаровымъ“. И, наконецъ, въ-третьихъ,—въ томъ, что онъ составилъ „не пропущенную цензурою статью, доказывающую вредный образъ его мыслей“. Вотъ и все.

Но этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы генераль-аудиторіатъ, „примѣняясь къ 32 ст. Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ, рѣшеніемъ положилъ: лишивъ Шелгунова правъ на пенсію и ношеніе въ отставкѣ мундира, отослать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ его на мѣстѣ жительства строному полицейскому надзору“.

Рѣшеніе это было Высочайше конфирмовано 26 октября 1864 года. Вслѣдъ за этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ назначилъ Н. В. Шелгунову мѣстомъ ссылки Вологодскую губернію, о чемъ и сообщилъ петербургскому военному генераль-губернатору и вологодскому губернатору „для зависящихъ распоряженій“. Въ свою очередь петербургскій военный генераль-губернаторъ обратился къ петербургскому оберъ-полицеймейстеру съ просьбой привести въ исполненіе рѣшеніе генераль-аудиторіата о ссылкѣ въ Вологодскую губернію „находящагося подъ военнымъ судомъ при с.-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ отставного полковника Шелгунова“.

Когда нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого Шелгуновъ, истомившись въ ссылкѣ, рѣшилъ хлопотать передъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ о своемъ освобожденіи, то онъ составилъ для жены подробное наставленіе о томъ, что она должна высказать шефу въ отвѣтъ на тѣ обвиненія, которыя были выдвинуты противъ него. Это наставленіе такъ основательно разбиваетъ возведенныя на Шелгунова курьезныя обвиненія, что мы находимъ интереснымъ привести его здѣсь цѣликомъ. Шелгуновъ писалъ тогда: „Генераль-аудиторіатъ обвинилъ меня:

„1) Въ сношеніи съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ. Но я былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, т.-е. янѣе *видѣлся* и въ Петербургѣ, съ разрѣшенія князя Суворова; въ Сибири видѣлся тоже съ разрѣшенія начальства. Отчего же дозволенное въ Петербургѣ не дозволено въ Сибири?

„2) Что „велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровымъ“. Но, во-первыхъ, переписку съ рядовыми у насъ не запрещено вести; а во-вторыхъ, я *никогда* не велъ переписки съ *рядовымъ* Костомаровымъ, а писалъ къ нему всего одно письмо изъ Наугейма,

когда Костомаровъ былъ еще офицеромъ. Пусть справятся въ дѣлѣ. Тутъ очевидная ошибка.

„3) Что „имѣю вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурою статей“. Самъ по себѣ образъ мыслей, не проявляющійся никакимъ вѣншимъ актомъ, не можетъ составлять вины; а если обвинять за статьи нецензурныя, то есть ли хотя одинъ литераторъ, статьи котораго не запрещались бы иногда цензурой? Вотъ, если бы статья явилась въ печати, дѣло другое. Да и то, при существованіи цензуры, виновать не авторъ“.

Николай Васильевичъ былъ совершенно правъ, конечно, считая все эти „обвинительные пункты“ чистымъ недоразумѣніемъ. „Если бы меня судили гласнымъ судомъ,—писалъ онъ, то разумѣется меня бы оправдали“. Онъ находилъ, что „приговоръ генераль-аудиторіата заключаетъ въ себѣ преувеличенную строгость и вовсе не примѣняется къ 32 ст. дисциплинарныхъ взысканій, на которой онъ основанъ“.

Но мы забѣжали нѣсколько впередъ, а потому позвольте вернуться къ прерванному разсказу. Въ концѣ ноября 1864 г. Николай Васильевичъ получилъ, наконецъ, возможность покинуть ненавистный рavelинъ: онъ былъ переведенъ изъ крѣпости на сенатскую гауптвахту. Отсюда, 26 ноября, онъ извѣщаетъ свою жену о предстоящей ему ссылкѣ слѣдующей запиской: „Никогда, милый другъ, не укладывался я въ дорогу съ такими мрачными мыслями, какъ вчера. Ёду въ Вологодскую губернію. Когда—не знаю, но въ путь совсѣмъ готовъ“. Затѣмъ въ запискѣ отъ 2 декабря онъ пишетъ: „Завтра съ машиной ёду въ Вологду, но въ какомъ городѣ буду жить, еще не знаю“...

2 декабря 1864 г. петербургскій оберъ-полицеймейстеръ генераль-лейтенантъ Анненковъ при бумагѣ за № 9638 отправляетъ Н. В. Шелгунова къ вологодскому губернатору „на зависящее распоряженіе, подъ присмотромъ рядового с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона Самсона Яковлева“. При этомъ оберъ-полицеймейстеръ проситъ губернатора „въ исправномъ доставленіи къ нему г. Шелгунова приказать выдать жандарму надлежащую квитанцію“. Изъ бумаги видно, что Николай Васильевичъ былъ отправленъ изъ Петербурга съ жандармомъ на собственный счетъ. А вотъ и самая квитанція, которая была выдана губернаторомъ конвоюру.

„Квитанція.

„Дана с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона рядовому Самсону Яковлеву въ томъ, что въ сопровожденіи его отставной полковникъ корпуса лѣсничихъ Николай Шелгуновъ, высланный изъ С.-Петербурга подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію, въ г. Вологду доставленъ 6 сего декабря.—Вологда, декабря 7-го дня 1864 года. Вологодскій губернаторъ свиты Его Величества генераль-майоръ Хоминскій“.

Съ этого момента Н. В. Шелгуновъ становится административнымъ ссылкой. Онъ вышелъ изъ рavelина только для того, чтобы сейчасъ же попасть въ глушь и дебри Вологодской губерніи.

Познакомиться съ условіями жизни Н. В. Шелгунова въ ссылкѣ представляется особенно интереснымъ и поучительнымъ въ виду того, что въ 60-хъ годахъ очень многіе русскіе писатели находились въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось жить Шелгунову въ Вологодской губерніи, т.-е. въ положеніи политическихъ ссыльныхъ. Въ наши сѣверныя губерніи, главнымъ образомъ въ Вологодскую, Архангельскую, Олонецкую и Вятскую, какъ въ 60-хъ годахъ, такъ и позднѣе, высылались административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи многіе представители нашей литературы и журналистики, провинившіеся въ чемъ-нибудь противъ бюрократическаго, приказнаго строя. Здѣсь они принуждены были долгіе годы прозябать въ разныхъ глухихъ захолустьяхъ, вродѣ Шенкурска, Тотмы, Пинеги, Кадникова и т. д., подъ надзоромъ уѣздныхъ исправниковъ, нерѣдко невѣжественныхъ и грубыхъ.

Въ числѣ политическихъ ссыльныхъ, находившихся подъ надзоромъ полиціи въ сѣверныхъ губерніяхъ въ теченіе 60-хъ годовъ, мы встречаемъ слѣдующихъ писателей: А. И. Левитовъ (Шенкурскъ и Вологда), П. Н. Рыбниковъ (Петрозаводскъ), П. С. Ефименко (Онега и Холмогоры), П. П. Чубинскій (Пинега и Архангельскъ), П. Л. Лавровъ-Миртовъ (Тотьма и Кадниковъ), А. И. Стронинъ (Мезень, Пинега и Шенкурскъ), С. С. Шашковъ (Шенкурскъ), Ф. Ф. Павленковъ (Вятка и Яранскъ), Д. К. Гиръ (Тотьма), Н. М. Ядринцевъ (Шенкурскъ), Н. В. Альбертини (Архангельскъ и Шенкурскъ), А. Х. Христофоровъ (Пинега и Шенкурскъ), Н. В. Соколовъ (Мезень и Шенкурскъ), Г. Н. Потанинъ (Никольскъ), сибирскій историкъ Н. С. Шукинъ (Пинега), Лаврскій (Никольскъ), В. В. Берви-Флеровскій (Вологда, Архангельскъ, Шенкурскъ) и т. д.

Каково было положеніе писателей въ административной ссылкѣ?

Безъ сомнѣнія, въ разное время оно было очень различно. Сначала, въ давнишнія времена, оно было сносно и даже, можно сказать, недурно. Во времена Николая Павловича ссыльнымъ писателямъ предоставлялась возможность поступать на государственную службу, занимать извѣстныя должности, иногда весьма отвѣтственные. Герценъ, будучи въ ссылкѣ въ Вяткѣ и затѣмъ во Владимірѣ (1835—1839 г.) служилъ сначала „переводчикомъ губернскаго правленія“, потомъ завѣдывалъ статистическимъ комитетомъ и редакціей *Губернскихъ Вѣдомостей*. Наконецъ, въ Новгородѣ (1841—1842 г.) онъ служилъ уже совѣтникомъ губернскаго правленія.

Салтыковъ-Щедринъ, живя въ ссылкѣ въ г. Вяткѣ (1849—1855 г.), былъ сначала причисленъ къ губернскому правленію, затѣмъ назначенъ

чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія. Конечно, государственная служба въ николаевскія времена, построенная на взяточничествѣ и низкопоклонствѣ, не могла не причинять тяжелыхъ нравственныхъ страданій людямъ развитымъ, честнымъ и дорожившимъ своей независимостью. Но, съ другой стороны, попавшій въ ссылку писатель, поступаая на службу, переставалъ быть паріей, отверженцемъ, входилъ въ общество, какъ полноправный членъ, получалъ возможность встрѣчаться съ людьми различныхъ положеній и могъ такъ или иначе принимать участіе въ мѣстной жизни, вліять на нее.

При Александрѣ II въ первое время политическіе ссыльные также довольно часто опредѣлялись на государственную службу. Когда въ 1859 г. былъ сосланъ въ Петрозаводскъ П. Н. Рыбниковъ, олонекій губернаторъ немедленно же предоставилъ ему службу, которая пошла у него довольно успѣшно. Въ 60-хъ годахъ продолжалась та же политика по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ.

Такъ, П. С. Ефименко, живя въ ссылкѣ въ г. Онегѣ, служилъ дворянскимъ засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ. А. И. Стронинъ, находясь въ ссылкѣ въ г. Шенкурскѣ, служилъ уѣзднымъ судьей. П. П. Чубинскій, состоя подъ надзоромъ полиціи въ г. Архангельскѣ, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, редакторомъ *Губернскихъ Вѣдомостей* и секретаремъ статистическаго комитета, и т. д.

Подобные факты доказываютъ, что въ то время администрація не ставила еще себѣ цѣлью окружать „политически неблагонадежнаго“ такими условіями, при которыхъ онъ былъ бы лишенъ всякой возможности имѣть какое-либо общеніе, какія-либо сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Вообще въ то время администрація не стремилась еще къ тому, чтобы отнять у политическаго ссыльнаго всякую возможность работать и трудиться, и такимъ образомъ не обрекала его и его семью на полуголодное существованіе, со всѣми его ужасами.

Но постепенно, подъ вліяніемъ все возрастающей реакціи, условія административной ссылки измѣняются къ худшему. Въ концѣ 60-хъ годовъ мы уже почти не встрѣчаемъ ссыльныхъ на государственной службѣ. Въ то же время надзоръ полиціи за политическими ссыльными становится все строже и назойливѣе. Они лишаются права не только общественной, но и частной службы. Они не имѣютъ права давать уроковъ и вообще заниматься педагогическою дѣятельностью; не могутъ заниматься и частной адвокатурой.

Врачи, попадавшіе въ административную ссылку, нерѣдко лишались права медицинской практики. Всякія занятія, соединенныя съ разъѣздами, безусловно воспрещались административнымъ ссыльнымъ, такъ какъ по правиламъ они не имѣли права переходить „за городскую черту“.

Занятія литературой были въ высшей степени стѣснены главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что вся переписка ссылнаго, въ томъ числѣ и газетныя и журнальныя статьи неизбѣжно должны были проходить черезъ цензуру уѣзднаго исправника, часто совершенно невѣжественнаго чело-вѣка, пугавшагося словъ „политическій“, „соціальный“ и т. п.

III.

„Пересылающіея арестантъ“.

По доставленіи въ Вологду, Николай Васильевичъ былъ помѣщенъ въ 3-й полицейской части, находящейся на Архангельской улицѣ. Въ этой части была особая комната, въ которую обыкновенно помѣщали пересылавшихся политическихъ ссыльныхъ. Собственно говоря, въ распоряженіе ссыльныхъ предоставлялась не вся комната, а лишь часть ея, которая была отгорожена нѣсколькими огромными канцелярскими шкафами. За этими шкафами стоялъ длинный диванъ, обитый черной клеенкой, какіе обыкновенно встрѣчаются на почтовыхъ станціяхъ; этотъ диванъ и служилъ кроватью для политическихъ ссыльныхъ ¹⁾.

Губернаторъ Хоминскій вообще относился къ политическимъ ссыльнымъ довольно мягко и обыкновенно не отказывалъ имъ въ тѣхъ небольшихъ облегченіяхъ, которыя были въ его власти. По полученіи бумаги петербургскаго оберъ-полицеймейстера о ссылкѣ Шелгунова въ Вологодскую губернію, Хоминскій положилъ на ней резолюцію: „отправить въ г. Устюгъ“. Такъ какъ Устюгъ считается самымъ большимъ и безспорно самымъ лучшимъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи, то, назначая туда Шелгунова, губернаторъ этимъ самымъ видимо желалъ поставить новаго ссылнаго въ возможно болѣе благоприятныя условія.

Но Устюгъ испугалъ Николая Васильевича своей отдаленностью, о чемъ онъ и заявилъ губернатору. Тогда онъ былъ назначенъ въ городъ Тотму. Объ этомъ тогда же, 7-го декабря сообщается въ управленіе вологодскаго жандармскаго штабъ-офицера съ просьбою „командировать въ канцелярію начальника губерніи завтрашняго дня, въ часъ пополудни, одного жандарма для сопровожденія г. Шелгунова къ мѣсту назначенія“. Одновременно съ этимъ пишется предложеніе исправляющему должность вологодскаго полицеймейстера „сдѣлать распоряженіе о командированіи одного изъ помощниковъ городскихъ приставовъ для наблюденія за управленіемъ завтрашняго дня въ часъ пополудни находящагося въ г. Вологдѣ, въ помѣщеніи при 3-й части отставнаго полковника Николая Шелгунова на жительство въ г. Тотму“.

¹⁾ Пишу эти строки по личнымъ воспоминаніямъ, такъ какъ въ началѣ 70-хъ гг. мнѣ приходилось не разъ сидѣть за этими шкафами.

Наканунѣ отъѣзда изъ Вологды, 7 декабря, Шелгуновъ пишетъ женѣ: „Послѣ разныхъ тревоженій я приближаюсь, наконецъ, къ пристани. Пристанью этой будетъ служить для меня Тотма—городъ, лежащій отъ Вологды въ 200 верстахъ. Удобства Тотмы въ томъ, что сообщеніе съ нею неособенно затруднительно, такъ что если ты вздумаешь пріѣхать ко мнѣ погостить, то и при своей инвалидности ¹⁾ одолѣешь путь легко“. Послѣднія строчки вполнѣ разъясняютъ, почему именно Шелгуновъ отъказался отъ лучшаго въ губерніи уѣзднаго города и предпочелъ отправиться въ одинъ изъ наиболѣе глухихъ городковъ—Тотму.

8 декабря Николай Васильевичъ выѣхалъ въ г. Тотму на парѣ лошадей, въ сопровожденіи жандарма, которому дана была бумага губернатора на имя тотемскаго исправника. Въ этой бумагѣ сначала излагались уже знакомыя намъ причины ссылки Шелгунова, а затѣмъ губернаторъ писалъ: „Препровождая при семъ высланнаго изъ С.-Петербурга, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, на жительство во вѣренную мнѣ губернію означеннаго полковника Шелгунова, подъ приглядомъ жандарма, предписываю вашему высокоблагородію по прибытіи его въ г. Тотму учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ, согласно данныхъ вамъ инструкцій о надзорѣ за политическими ссыльными, и выдавъ конвойному въ пріемъ г. Шелгунова квитанцію, донести мнѣ о лѣтахъ его, мѣстѣ родины и семействѣ“.

Путь отъ Вологды до Тотмы Николай Васильевичъ принужденъ былъ также сдѣлать на собственный счетъ, при чемъ ему пришлось уплатить и за обратный путь своего спутника-жандарма. Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ инструкція, данная жандарму, сопровождавшему Шелгунова, мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій.

„Вологодской жандармской команды рядовому Федосею Коломазову.

Приказъ.

„Командируя тебя для сопровожденія отставнаго полковника Николая Шелгунова, приказываю слѣдовать съ нимъ почтовымъ трактомъ, по выданной подорожной въ г. Тотму, гдѣ и представить его въ тамошнее уѣздное полицейское управленіе и, получивъ въ пріемъ г. Шелгунова квитанцію, немедленно сюда возвратиться. Ѣхать ты долженъ только прямымъ почтовымъ трактомъ и нигуда въ сторону не сворачивать.

„Во время пути ты не долженъ отлучаться отъ г. Шелгунова *ни на одинъ шагъ*, слѣдить внимательно за всѣми его поступками, наблюдать, чтобы онъ на пути не учинилъ побѣга. Тебѣ запрещается разговаривать съ арестантомъ и заходить съ нимъ въ какія-либо публичныя мѣ-

¹⁾ Людмила Петровна Шелгунова страдала параличомъ ногъ.

ста, брать съ собою въ дорогу постороннихъ людей и принимать отъ кого-либо какія бы то ни было вещи или оружіе.

„Останавливаться гдѣ-либо на пути пересылающемуся арестанту не дозволяется, но если бы онъ заболѣлъ дорогою и по засвидѣтельствуванію благонадежнаго врача окажется, что онъ совершенно не въ состояніи ѣхать далѣе, то, по распоряженію мѣстнаго полицейскаго начальства, можетъ быть остановленъ въ одномъ изъ городовъ на пути слѣдованія и помѣщенъ въ больницу для излѣченія болѣзни.

„Въ случаѣ болѣзни, препятствующей дальнѣйшему слѣдованію его, начальникъ полиціи того мѣста, гдѣ онъ останется для пользованія, долженъ, по принятіи его отъ тебя подѣ квитанцію, донести о томъ начальнику губерніи, равнымъ образомъ обязанъ и впослѣдствіи увѣдомлять объ отправленіи преступника по выздоровленіи его.

„Арестанта ты долженъ везти до мѣста назначенія, но если онъ по причинѣ болѣзни долженъ будетъ остаться въ какомъ-либо городѣ долгое время, тогда ты долженъ быть отпущенъ назадъ по распоряженію губернскаго начальства; въ семъ послѣднемъ случаѣ бумаги ты долженъ передать полиціи, не иначе какъ подѣ квитанцію.

„Если бы арестантъ, сопровождаемый тобою, передалъ тебѣ письмо, записку или какого бы то ни было рода бумагу, то ты долженъ представить оныя немедленно тому начальству, которому преступникъ тобою сданъ будетъ, и отнюдь оныя не задерживать у себя до возвращенія къ своему мѣсту.

„По возвращеніи въ г. Вологду обязываешься ты явиться ко мнѣ и представить квитанцію“.

На слѣдующій день, 9 декабря, Шелгуновъ былъ „исправно доставленъ“ въ Тотму, въ чемъ уѣздный исправникъ Макшеевъ и выдалъ жандарму Коломазову „установленную квитанцію“. Донося объ этомъ губернатору, исправникъ сообщалъ, что „за г. Шелгуновымъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ“. Вмѣстѣ съ этимъ, исполняя предписаніе губернатора, исправникъ доносилъ, что „г. Шелгуновъ имѣетъ отъ роду 40 лѣтъ, родина его С.-Петербургъ, семейство заключается изъ жены и двухъ дѣтей“.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. В. Шелгуновъ въ ссылки¹⁾.

(По неизданнымъ источникамъ.)

IV.

Поднадзорная жизнь.

Нетрудно себѣ представить, что долженъ былъ почувствовать и испытать Н. В. Шелгуновъ,—почти всю жизнь проведенный въ Петербургѣ,—когда жандармъ завезъ его въ медвѣжій уголъ, называемый Тотмой, въ которомъ волею судебъ ему суждено было, быть можетъ, долгіе годы „состоять подъ надзоромъ полиціи“. Однако эта печальная перспектива отнюдь не пугаетъ, не обезкураживаетъ Шелгунова, какъ въ свое время не испугалъ его и мрачный казематъ Алексѣевского равелина. По этому поводу невольно вспоминаются слова Михайловскаго.

„Судьба не баловала его, — писалъ о Шелгуновѣ Н. К. Михайловскій, — и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея иногда жесточайшіе удары. Закалился ли онъ въ житейскихъ буряхъ, которыя ему пришлось вынести такъ много и такихъ разнообразныхъ, или ужъ такимъ уродился, по всякую свою личную бѣду онъ встрѣчалъ, не моргнувъ глазомъ“²⁾.

Очутившись въ Тотмѣ, Шелгуновъ, точно также „не моргнувъ глазомъ“, спѣшить поскорѣе устроиться, чтобы имѣть возможность приступить къ литературной работѣ, въ которой онъ видѣлъ главную цѣль своего существованія. „Съ устройствомъ квартиры и хозяйства я уже покончилъ, — пишетъ онъ женѣ вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Тотму. — У меня есть все, что нужно для порядка въ вещахъ, платьѣ и бѣльѣ: комодъ, шкафъ, умывальный столикъ, кровать и столикъ къ кровати. Это вещи мои собственные; все остальное хозяйское. Хозяева мои

¹⁾ *Русская Мысль* 1910 г., кн. II.

²⁾ „Сочиненія Н. В. Шелгунова“. Изданіе третье. Томъ первый. Вступительная статья Н. К. Михайловскаго.

книга III, 1910 г.

люди превосходные. И я встрѣчаю въ ихъ отношеніяхъ къ себѣ ту деликатность, какую именно искалъ. Правда, эта семья выше обыкновенныхъ мѣщанъ. Самъ хозяинъ — ратманъ, жена его изъ духовнаго званія“.

Они же готовятъ ему обѣдъ, простой и неприхотливый, но вполне удовлетворяющій его. „Однимъ словомъ, — пишетъ Николай Васильевичъ, — матеріальная сторона моей жизни сложилась вполне удовлетворительно; но нравственно — тоска. Я чувствую, что я здѣсь на чужой сторонѣ, какъ путешественникъ на станціи, гдѣ обстоятельства задерживаютъ его противъ воли, и неизвѣстно, когда кончатся. И тѣмъ сильнѣе чувствую я это, что *совсѣмъ разстроены нервами отъ продолжительнаго заключенія*, и нѣтъ для меня ничего легче, какъ разстроиться отъ самой пустой причины, въ особенности, если я не досплю, т.-е. когда лягу послѣ 11 часовъ“.

Но больше всего его беспокоитъ мысль, что высылка его изъ Петербурга будетъ „вѣчной“. „И оттого болить мое сердце“, прибавляетъ онъ. Точно также его видимо тревожитъ опасеніе за то, что ссылка, затянувшись на долгое время, сдѣлаетъ невозможнымъ для него литературную работу. Однако, всѣ эти опасенія нисколько не помѣшали ему бодро приняться за работу; черезъ недѣлю была уже готова статья для *Русскаго Слова*, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ констатировать, что „здѣсь“ (т.-е. въ Тотьмѣ) пишется легче, чѣмъ въ рязанинѣ“.

Первое время пребыванія въ Тотьмѣ Николай Васильевичъ не мало беспокоился за судьбу своихъ бумагъ, документовъ и книгъ, которые были отобраны у него при обыскѣ.

14 декабря тотемскій исправникъ пишетъ губернатору, что „состоящій подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ“ г. Шелгуновъ „ходатайствуетъ о возвращеніи принадлежащихъ ему документовъ, въ которыхъ онъ имѣетъ въ настоящее время необходимость“. По объясненію исправника, „при арестованіи Шелгунова въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ апрѣлѣ 1863 года были отобраны отъ него: указъ объ его отставкѣ и разные документы его отца, жены, сына и сестры, нѣкоторыя книги и одно частное исковое дѣло. Документы эти, бумаги и книги, какъ ему положительно извѣстно, находятся при производившемся объ немъ дѣлѣ въ комиссіи военного суда при с.-петербургскомъ Ордонансъ-Гаузѣ, но по объявленіи ему приговора возвращены не были“.

По этому поводу возникаетъ длинная и скучная переписка, въ которой участвуютъ и вологодскій губернаторъ, и петербургскій военный генералъ-губернаторъ, и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ и т. д. Бумаги и документы Шелгунова разыскиваются наконецъ и доставляются къ нему въ Тотьму, но оказывается, что тутъ далеко не все то, что

было отобрано отъ него. Шелгуновъ выпужденъ вновь писать и просить о возвращеніи ему его вещей, вслѣдствіе чего вновь начинались розыски и т. д.

При болѣзненномъ состояніи здоровья, при нервномъ расстройствѣ, вынесенными имъ изъ Петропавловской крѣпости, Шелгуновъ особенно остро долженъ былъ чувствовать свое одиночество въ Тотмѣ. „Здѣсь я совсѣмъ одинъ, какъ пень среди долины, — пишетъ онъ женѣ 13 декабря.—Отъ своей почвы оторванъ, домъ разбитъ, а новыхъ корней здѣсь не пушу и гнѣзда не совою... Миѣ кажется, что я очень постарѣлъ; по крайней мѣрѣ, физически я такъ слабъ, какъ никогда не былъ прежде“ (стр. 155).

Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого онъ снова пишетъ женѣ: „Убѣжденія разсудка на меня не дѣйствуютъ; твои письма успокаиваютъ меня на минуту, а затѣмъ опять овладѣваетъ мной чувство одиночества, котораго я не испытывалъ въ крѣпости и которое охватило меня, какъ только я вышелъ на свободу. Дома нѣтъ, корни вырваны, я одинъ въ четырехъ стѣнахъ, ты за тысячу верстъ, ко мнѣ проѣхать нельзя—все это такіе факты, изъ которыхъ ни разсудокъ, ни сердце не извлекутъ ничего утѣшительнаго... Ты знаешь, что человѣку, жившему вѣчно въ семьѣ, одиночная жизнь,—пытка. У тебя дѣти, вокругъ—люди, которыхъ ты любишь... однимъ словомъ, домъ въ полномъ составѣ. У меня же черныя деревянныя стѣлы, и въ нихъ я также одинокъ, какъ въ равелинѣ“ (стр. 157).

Одиночество, лишеніе свободы, прикрѣпленіе къ опредѣленному пункту и полная неизвѣстность того, долго ли продолжатся всѣ эти муки, — все это, разумѣется, составляло главную тяжесть „поднадзорнаго житья“. Но этимъ далеко еще не исчерпывались терзанія административнаго ссыльнаго. Массу страданій причинялъ тотъ полицейскій контроль, который существовалъ въ то время надъ перепиской политическаго ссыльнаго.

Вся корреспонденція Николая Васильевича проходила чрезъ руки уѣзднаго исправника. Онъ не имѣлъ права отправить ни одного письма, ни одной записки, не представивши ихъ предварительно на разсмотрѣніе исправника. Точно также вся корреспонденція, получавшаяся въ почтовой конторѣ на его имя, доставлялась сначала къ исправнику, который распечатывалъ ее, перечитывалъ и уже затѣмъ передавалъ Шелгунову.

То же самое продѣлывалось, конечно, и съ посылками, которыя получались на имя Н. В. Однажды его жена прислала ему въ Тотму нѣсколько фуфаякъ, такъ какъ Шелгуновъ писалъ какъ-то ей о жестокихъ морозахъ, стоявшихъ у нихъ зимой. Посылка эта обратила на себя подозрительное вниманіе не только полиціи, но и почтмейстера.

„Не понимаю,—писалъ по этому поводу Н. В.,—чего усердствуетъ почтмейстеръ: онъ не только вскрывалъ посылку въ присутствіи исправника, но еще и вытряхивалъ фуфайки: вѣрно думалъ найти бомбы или ракеты. Странное дѣло, что у насъ всякій хочетъ быть полицейскимъ“ (стр. 158).

Конечно, полицейская цензура не давала возможности Шелгунову въ своихъ письмахъ выразить чувства негодованія противъ подобнаго насилія, вторгавшагося въ область самыхъ интимныхъ отношеній. Но тѣмъ не менѣе сдержанное негодованіе чувствуется въ его письмахъ каждый разъ, когда онъ касается этого возмутительнаго насилія. Тому же полицейскому контролю подвергалась и чисто дѣловая, денежная корреспонденція.

„Благосвѣтловъ,—сообщалъ онъ какъ-то женѣ,—выслалъ мнѣ 300 рублей еще за прошлый годъ, и мнѣ прислали его письмо изъ полиціи, съ надписью, что на выдачу денегъ нѣтъ препятствій... Это что-то уму непостижимое!—воскликаетъ съ негодованіемъ Н. В.—Да канія же могутъ быть препятствія?—спрашиваетъ онъ, и затѣмъ, очевидно, подавивъ въ себѣ чувство возмущенія, продолжаетъ. —Вообще хорошо жить на свѣтѣ (читай—въ Россіи). *Относительно писемъ мнѣ было въ равелинѣ легче*, онъ, во-первыхъ, на то и равелинъ; а во-вторыхъ, комендантъ читалъ письма одинъ, не посвящая въ нихъ членовъ своего семейства“ (стр. 164).

Очевидно, что только вслѣдствіе полицейской цензуры, Шелгуновъ не могъ прямо сказать въ этомъ письмѣ, что уѣздные исправники не только сами читали его письма, но и посвящали въ нихъ членовъ своего семейства, женъ, свояченицъ и т. д. Послѣднія въ свою очередь не могли, конечно, отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться со своими знакомыми тѣми новостями, которыя они узнавали изъ писемъ политическаго ссыльнаго, невольнаго члена ихъ уѣзднаго общества.

Въ данномъ случаѣ подобныя новости представлялись тѣмъ болѣе интересными, что Шелгуновъ въ своихъ письмахъ къ женѣ обыкновенно сообщалъ съ полной откровенностью о всѣхъ своихъ переживаніяхъ въ ссылкѣ, о новыхъ знакомыхъ, мужчинахъ и дамахъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. И вотъ отзывы и характеристики новыхъ знакомыхъ, которые дѣлалъ Шелгуновъ въ письмахъ къ женѣ, тотчасъ же становились достояніемъ сплетенъ и матеріаломъ для всевозможныхъ пересудовъ среди уѣздныхъ кумушекъ. Находились, разумѣется, лица, которыя чувствовали себя обиженными и оскорбленными отзывами дерзкаго ссыльнаго; такимъ образомъ на этой почвѣ создавалось мало-по-малу враждебное отношеніе къ „поднадзорному“ со стороны наиболѣе вліятельной части уѣзднаго общества.

V.

Медицинское освидѣтельствоваіе.

Суровый климатъ Тотмы, съ его 30-градусными морозами, крайне вредно вліялъ на здоровье Шелгунова. Къ тому же квартира его оказалась очень холодной, по утрамъ температура въ комнатахъ падала до 8°, такъ что „нельзя было писать, потому что коченѣли руки“. „А ужъ на дворѣ какой холодъ!—воскликаетъ Н. В. въ одномъ изъ своихъ писемъ.—Старъ я и слабъ, крѣпость меня ужасно разстроила; явилась какая-то хилость; чувствую всѣмъ тѣломъ зловредность здѣшняго климата и не могу дышать на улицѣ прямо носомъ, а утыкаю его въ шарфъ“.

1 февраля 1865 года исправникъ доноситъ губернатору, что „состоящій подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ отставной полковникъ Шелгуновъ заявилъ ему о вредномъ вліяніи здѣшняго климата на его здоровье, прося въ то же время освидѣтельствовать его. Вслѣдствіе этого,—писалъ исправникъ,—по приглашенію моему, Шелгуновъ былъ свидѣтельствуемъ тотемскимъ городовымъ врачомъ Муромцовымъ, при чемъ оказалось, что здоровье его требуетъ радикальнаго ¹⁾ лѣченія. На этомъ основаніи полковникъ Шелгуновъ проситъ ходатайства о разрѣшеніи ему права лѣченія за границею или, въ крайнемъ случаѣ, о переводѣ его въ болѣе теплую губернію“.

Донося объ этомъ, исправникъ представлялъ „на благоусмотрѣніе“ губернатора медицинское свидѣтельство тотемскаго городского врача и два письма Н. В. Шелгунова: одно на имя губернатора Хоминскаго, другое—на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Письмо на имя губернатора было слѣдующаго содержанія:

„Ваше превосходительство!

„Съ перваго дня водворенія своего въ Тотмѣ я почувствовалъ вредное вліяніе здѣшняго климата на свое здоровье.

„Этого вѣроятно бы не случилось, если бы мое здоровье не было уже разстроено ранѣе.

„Еще до заключенія въ крѣпости я былъ три раза на заграничныхъ минеральныхъ водахъ; но потомъ годъ и 7½ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ потрясли такъ мое здоровье, что мнѣ необходимо теперь серьезное укрѣпляющее лѣченіе, чтобы возстановить свои упавшія силы.

„Я обратился къ г. тотемскому уѣздному исправнику съ просьбой объ освидѣтельствovanіи меня чрезъ врачей, чтобы придать своему про-

¹⁾ Въмѣсто „радикальнаго“ исправникъ пишетъ „редѣкальнаго“.

шенію ту несомнѣнность истины, какая необходима въ настоящемъ случаѣ.

„Позволяя себѣ смѣлость убѣдительноѣше просить ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ заграничный отпускъ на 3—4 мѣсяца въ Италію или въ Ниццу.

„Но если бы правительство нашло неудобнымъ дать мнѣ такое разрѣшеніе, то я буду покорнѣѣше просить о переводѣ меня въ губернію съ менѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ Вологодская, гдѣ бы средняя температура зимы не была ниже Петербургской.

„Если вашему превосходительству угодно будетъ найти мою просьбу заслуживающей вниманія, то я буду покорнѣѣше просить, вмѣстѣ съ представленіемъ своего ходатайства, препроводить г. министру внутреннихъ дѣлъ прилагаемое при семъ письмо мое къ его высокопревосходительству, и копію съ медицинскаго свидѣтельства о состояніи моего здоровья за годъ до заключенія меня въ крѣпости.

„Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣѣшимъ слугою Николай Шелгуновъ (отставной полковникъ)“.

По полученіи этого письма, губернаторъ обратился въ вологодскую врачебную управу, предлагая ей разсмотрѣть „свидѣтельство, выданное тотемскимъ городовымъ врачомъ о состояніи здоровья находящагося подъ надзоромъ полиціи въ г. Тотмѣ отставного полковника Николая Шелгунова“ а затѣмъ возвратить ему это свидѣтельство со своимъ заключеніемъ.

При медицинскомъ освидѣтельствovanіи было установлено, что Н. В. Шелгуновъ имѣетъ отъ роду 40 лѣтъ, „роста средняго, тѣлосложенія слабаго, худощаваго“. „Изъ имѣющейся у Шелгунова, — говорится въ свидѣтельствѣ, — коніи съ медицинскаго свидѣтельства, выданнаго ему въ 1862 году ординаторомъ императорскаго воспитательнаго дома Радвивиловичемъ и засвидѣтельствованнаго с.-петербургскимъ физикатомъ, видно, что здоровье Шелгунова еще до 1862 года, вслѣдствіе напряженныхъ умственныхъ занятій и сидячей жизни, было разстроено совершенно“.

Уже въ то время, какъ видно изъ медицинскаго свидѣтельства, Николай Васильевичъ „страдалъ застоемъ крови въ воротной венѣ (vena portuum) и вслѣдствіе этого разстройствомъ пищеваренія и сильными приливами крови къ важнымъ внутреннимъ органамъ, къ легкимъ и мозгу. Послѣдующія обстоятельства жизни Шелгунова, именно слишкомъ полутородачное заключеніе въ крѣпости, угнетенное и подавленное душеразположеніе само собою только усилили вышениписанное болѣзненное состояніе Шелгунова.

„Наконецъ съ переходомъ въ сѣверный край во время суровой зимы,

при постоянныхъ частыхъ приливахъ крови къ легкимъ и при содѣйствіи холоднаго воздуха, Шелгуновъ приобрѣлъ весьма упорный хроническій катарръ легкихъ, не уступавшій лѣченію. Это вновь присоединившееся къ прежнимъ страданіе именно крайне пагубно вліяло на разстроенное здоровье Шелгунова. Удерживая его постоянно въ квартирѣ, оно лишало его необходимаго движенія на свѣжемъ воздухѣ, вслѣдствіе чего застой въ воротной венѣ и приливы крови къ важнымъ внутреннимъ органамъ увеличились. Послѣдствіемъ были совершенный упадокъ питанія и кровотоверенія, совершенная потеря аппетита и бессонница“.

Въ моментъ освидѣтельствованія „наружный видъ (habitus) больного, сильная худоба тѣла (magasmus), почти совершенное отсутствіе подкожнаго жирнаго слоя, грязно-сѣроватый цвѣтъ кожи, блѣдность слизистыхъ оболочекъ и временами появляющіеся отеки (oedema) нижнихъ конечностей служили явными объективными признаками глубокопотрясенной организаціи. Физическое изслѣдованіе груди открываетъ нѣкоторую тупость звука надъ лопаточными остями (in foss. scapulari) и неопредѣленный жесткій дыхательный шумъ (respirat asperi) съ удлинненнымъ выдыханіемъ (k. prolongati). Послѣднія данныя объективнаго изслѣдованія при совершенномъ упадкѣ и питанія, и кровотоверенія у Шелгунова имѣютъ крайне серьезное значеніе и съ несомнѣнною почти вѣроятностію заставляютъ опасаться начинающагося органическаго измѣненія легкихъ (tuberculosis pulmonum)“.

„Результаты изслѣдованія заставляютъ заключить: 1) что неизлѣчимый въ здѣшнемъ климатѣ у г. Шелгунова катарръ легкихъ при дальнѣйшемъ его пребываніи здѣсь неминуемо поведетъ къ развитію у него легочной чахотки (tuberculus pulmon); 2) что настоящее состояніе здоровья Шелгунова требуетъ немедленнаго радикальнаго лѣченія и обѣщаетъ успѣхъ при пользованіи съ мая до сентября липшаранскими водами (въ прусской Вестфаліи, около Подсборка) Арминіевымъ источникомъ (Arminius quelea); 3) что, наконецъ, перемѣна мѣстожителства въ болѣе теплой полость Россіи составляетъ для Шелгунова жизненное условіе (indicatio vitatis)“.

Это свидѣтельство подписано было тотемскимъ городовымъ врачомъ Яковомъ Муромцовымъ и тотемскимъ уѣзднымъ исправникомъ Волоцкимъ. Вологодская врачебная управа, рассмотрѣвъ это свидѣтельство, не замедлила его утвердить. Такимъ образомъ серьезность болѣзненнаго состоянія Николая Васильевича была констатирована и уѣздными, и губернскими медицинскими учрежденіями.

Утвержденное врачебной управой медицинское свидѣтельство губернатора, въ свою очередь, представляетъ „на благоусмотрѣніе“ министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ со свидѣтельствомъ доктора Радзивиловича и съ письмомъ Шелгунова на имя министра. Свое прошеніе относи-

тельно „дозволенія ему отпуска за границу для излѣченія болѣзни или же, если это невозможно, о переводѣ его въ другую, болѣе теплую губернію“ Николай Васильевичъ подалъ 28 января, но благодаря обычной канцелярской волокитѣ, его прошеніе было отправлено къ министру лишь въ половинѣ марта.

Канцеляріи, по обыкновенію, не сѣвшили съ разрѣшеніемъ просьбъ и ходатайствъ, которыя поступали въ нихъ, особенно отъ политическихъ ссыльныхъ. Между тѣмъ Шелгуновъ, больной, одинокій, простуженный, съ разбитыми нервами, видимо, все болѣе и болѣе тяготился Тотьмой, считая чуть не каждый день своей ссылки. „Три мѣсяца только,—пишетъ онъ женѣ 22 февраля 1865 года,—а мнѣ кажется, что я живу здѣсь безконечное пространство времени“.

VI.

Тотьма.—Устюгъ.—Никольскъ.

Наконецъ, Тотьма до такой степени сдѣлалась невыносимой Шелгунову, что онъ прямо не въ состояніи былъ долѣе оставаться въ ней. Въ то же время онъ очевидно совсѣмъ не вѣрилъ въ благоприятный результатъ возбужденнаго имъ ходатайства „объ отпускѣ за границу“ или о переводѣ въ другую, лучшую губернію. Наконецъ, изъ писемъ жены, жившей въ то время съ дѣтьми въ Швейцаріи, онъ убѣдился, что она не скоро еще получить возможность пріѣхать къ нему въ ссылку, чтобы раздѣлить его участь.

И вотъ 19 марта 1865 года Николай Васильевичъ посылаетъ губернатору просьбу о переводѣ его изъ Тотьмы въ г. Устюгъ.

„Ваше превосходительство, милостивый государь Станиславъ Фадѣевичъ.

„Ваше превосходительство назначили мнѣ для жительства первоначально г. Устюгъ; но домашнія обстоятельства заставили меня просить о назначеніи города менѣ отдаленнаго. Теперь, обстоятельства иного рода заставляютъ меня беспокоить васъ вновь просьбой возвратиться къ вашему первому назначенію.

„Г. Тотьма лежитъ въ мѣстности довольно низменной и, со вскрытіемъ рѣкъ и наступленіемъ весны, мнѣ угрожаетъ лихорадка или горячка, которымъ я легко подверженъ.

„Другая причина, заставляющая меня желать оставить Тотьму, чисто экономическая. По роду и характеру моихъ литературныхъ занятій, представляющихъ для меня насущный хлѣбъ, Тотьма, отсутствіемъ внутренняго развитія и недостаткомъ литературныхъ и учебныхъ пособій, ставила меня уже не разъ въ положеніе весьма затруднительное.

„Оба эти обстоятельства, для меня совершенно роковыя, заставляютъ

меня просить ваше превосходительство, самымъ убѣдительнымъ образомъ, дозволить мнѣ переѣхать въ Устюгъ.

„Внутреннее убѣжденіе говоритъ мнѣ, что ваше превосходительство не откажете въ моей просьбѣ, и въ виду такой несомнѣнности я желалъ бы надѣяться, чтобы ваше разрѣшеніе дозволило мнѣ предупредить здѣшнюю весну и оставить Тотъму по послѣднему санному пути, до вскрытія рѣкъ“.

Губернаторъ, получивъ это прошеніе 21 марта, положилъ на немъ резолюцію: „исполнить“. На другой же день онъ предписываетъ тотемскому исправнику „сдѣлать распоряженіе объ отправленіи г. Шелгунова на собственный его счетъ подъ благонадежнымъ присмотромъ къ устюгскому уѣздному исправнику“.

Одновременно съ этимъ губернаторъ пишетъ и устюгскому исправнику, причемъ подробно сообщаетъ о причинѣ ссылки Н. В.—ча въ Вологодскую губернію, а въ заключеніе предписываетъ „по прибытіи въ Устюгъ г. Шелгунова учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ и о послѣдующемъ донести“.

26 марта Николай Васильевичъ былъ отправленъ изъ Тотмы „съ однимъ благонадежнымъ полицейскимъ служителемъ“ въ г. Устюгъ, куда онъ и „былъ доставленъ“ 29 марта.

Предчувствія и опасенія Николая Васильевича вскорѣ дѣйствительно сбылись. 15 апрѣля получилась бумага изъ министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи исполнительной отъ 31 марта, въ которой статсъ-секретарь Валуевъ писалъ губернатору: „въ виду обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ высылкѣ въ Вологодскую губернію отставного полковника корпуса лѣсничихъ Шелгунова, съ подчиненіемъ на мѣстѣ жительства строгому полицейскому надзору, я признаю неудобнымъ разрѣшить нынѣ этому ссыльному отпускъ за границу, а равно перемѣстить его на жительства въ другую губернію“.

Первыя впечатлѣнія отъ Устюга были довольно благопріятныя; по сравненію съ Тотмой старинный Великій-Устюгъ представлялся уже почти настоящимъ городомъ. На первыхъ порахъ Н. В. былъ „совершенно доволенъ“ Устюгомъ. „Устюгъ мнѣ нравится гораздо болѣе Тотмы уже потому, что это большой городъ (8½ тысячъ жителей). Слѣдовательно, въ немъ и условія жизни болѣе широкой“, такъ онъ писалъ своей женѣ. Въ Устюгѣ оказалась порядочная бібліотека и даже фотографія. Конечно, если бы Шелгуновъ попалъ въ Устюгъ не изъ Тотмы, а прямо изъ Петербурга, то его впечатлѣнія отъ этого города навѣрное были бы совершенно иныя.

Кажется, небольшое счастье, небольшое право жить въ г. Устюгъ, однако Шелгуновъ, живя въ этомъ городѣ, оказывается, все время не былъ спокоенъ и постоянно опасался, что его вотъ-вотъ выплутъ въ

какой-нибудь другой еще болѣе глухой и далекій городъ. 4 іюля онъ пишетъ женѣ: „въ моемъ положеніи самое худое то, что меня постоянно мучить мысль, что я ненроченъ въ Устюгъ; я нахожусь совершенно въ положеніи человѣка на почтовой станціи. Я больше ничего не хочу, какъ только того, чтобы меня оставили въ покоѣ. Ужъ я примирился съ мыслью, что я пробуду въ ссылкѣ лѣтъ десять, и хочу только одного, чтобы меня не переводили изъ города въ городъ, какъ это дѣлаютъ съ другими“ (стр. 174).

И на этотъ разъ опасенія Николая Васильевича также оправдались въ самомъ скоромъ времени: дѣйствительно, ему недолго пришлось пожить въ Устюгъ.

✓ Уже 8 января 1866 года губернаторъ пишетъ устюгскому уѣздному исправнику: „признавая нужнымъ состоящаго подъ надзоромъ полиціи въ г. Устюгъ отставного полковника Николая Шелгунова перемѣстить въ г. Никольскъ, я предписываю вашему высокоблагородію немедленно распорядиться объ отправленіи его подъ благонадежнымъ присмотромъ къ Никольскому уѣздному исправнику, которому мною вмѣстѣ съ симъ предписано по прибытіи г. Шелгунова учредить за нимъ строгій секретный надзоръ“.

Чѣмъ именно былъ вызванъ переводъ Николая Васильевича изъ Устюга въ Никольскъ—этого совершенно не видно изъ подлиннаго дѣла, которымъ мы пользуемся для настоящаго очерка. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ письмахъ Шелгунова къ его женѣ.

✓ 13 января онъ писалъ: „Въ заголовкѣ слѣдующаго письма ты встрѣтишь уже не В.-Устюгъ, а Никольскъ, куда меня переводятъ. О причинѣ перевода я напишу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ“. Въ письмѣ отъ 26 января, сообщая о первыхъ впечатлѣніяхъ отъ жизни въ Никольскѣ, онъ пишетъ: „Но какая же причина, что я попалъ въ Никольскъ? Не угадаешь и очень удивись: я далъ пощечину (двѣ) одному судебному слѣдователю, господину въ высшей степени дерзкому, глупому, звѣрю въ семейной жизни и т. д. Люди, знающіе его, говорятъ, что ему слѣдовало получить ихъ давно, но изъ мѣстныхъ жителей не нашлось ни одного человѣка, способнаго на это. Мои пощечины—только финалъ исторіи, которая началась еще весной и въ которой я дѣйствовалъ, какъ третье лицо. Ты догадываешься, что тутъ замѣшалась любовь и ревность. Господинъ, получившій пощечину, имѣлъ смѣлость не только сказать мнѣ грубость, но даже погрозить пальцемъ; я вспылалъ, какъ пироскилинь, и отвѣтилъ грубіяну языкомъ, ему единственно понятнымъ“...

Позднѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Николай Васильевичъ просилъ свою жену начать за него хлопоты въ Петербургъ, онъ снова возвращается къ этой исторіи и сообщаетъ нѣкоторыя подробности, еще болѣе освѣщающія ее.

„Помни только,—пишетъ онъ,—что пощечина, данная мною судебному слѣдователю Сутоцкому,—человѣку, о которомъ ты можешь судить по тому, что онъ услыхалъ о Гарибальди въ первый разъ только тогда, когда явилась шляпка à la Гарибальди, и который звалъ меня человѣкомъ подозрительнымъ и ссыльной собакой,—была причиной, что устюжскій исправникъ, другъ и пріятель Сутоцкаго, аттестовалъ меня, конечно, очень дурно. Но неужели отвѣтить пощечиной на грубость значить быть *поведенія неблагонамереннаго*? (Курсивъ въ подлинникѣ.) Пожалуйста, объясни это, если понадобится, кому слѣдуетъ“.

Какъ бы то ни было, но Шелгунову пришлось помириться съ Никольскомъ—маленькимъ городкомъ, еще болѣе захолустнымъ, чѣмъ Тотьма. Онъ встрѣтилъ эту перемѣну въ своей судьбѣ совершенно спокойно и въ своихъ письмахъ къ женѣ старался даже доказать, что Никольскъ якобы имѣетъ для него нѣкоторыя преимущества сравнительно съ Устюгомъ. „Въ Устюгѣ,—писалъ онъ,—я постоянно чувствовалъ надъ собою полицейскій надзоръ, и это такая пытка, которой ты, конечно, представить себѣ не можешь“.

Но въ климатическомъ отношеніи Никольскъ, какъ расположенный въ сѣверо-восточномъ углу Вологодской губерніи, несомнѣнно долженъ былъ оказать неблагоприятное вліяніе на здоровье Шелгунова. Дѣйствительно въ февралѣ мѣсяцѣ (1866 г.) болѣзня Николая Васильевича обострилась. Никольскій исправникъ доноситъ губернатору, что „Шелгуновъ заболѣлъ хроническою болѣзью, извѣстною вашему превосходительству изъ имѣющихся въ виду вашемъ медицинскихъ свидѣтельствъ о его болѣзни. Онъ проситъ моего ходатайства о дозволеніи ему отправиться на два дня подъ надлежащимъ присмотромъ въ г. Устюгъ, для совѣта съ тамошними врачами, пользовавшимися его во время проживанія въ г. Устюгѣ“.

„Удоставляя вашему превосходительству, что г. Шелгуновъ дѣйствительно боленъ,—писалъ исправникъ,—я нспіѣшаю представить его ходатайство на разрѣшеніе вашего превосходительства и при этомъ объявляюсь доложить, что, имѣя въ Устюгѣ родныхъ, я съ удовольствіемъ бы принялъ на себя обязанность сопровождать Шелгунова въ Устюгъ и обратно, если бы ваше превосходительство изволили изъяснить на это согласіе“.

Но губернаторъ отнесся къ этому ходатайству совершенно отрицательно, положивъ на рапортѣ исправника резолюцію: „недостаточность поводовъ“. Вслѣдъ за этимъ 16 марта онъ пишетъ никольскому исправнику: „поставляю въ извѣстность ваше высокоблагородіе, что я не нахожу основаній дозволить г. Шелгунову эту отлучку, такъ какъ для облегченія болѣзни его, какъ вы пишете, хронической, извѣстной устюжскимъ врачамъ, онъ можетъ воспользоваться письменными ихъ совѣтами“.

VII.

Въ вологодскихъ дебряхъ.

Къ нездоровью и болѣзнямъ Н. В. вскорѣ прибавились другія испытанія, которыя удручали и разстраивали его, пожалуй, болѣе, чѣмъ всѣ физическіе недуги. Это цензурныя стѣсненія и реакціонныя распоряженія правительства, особенно усилившіяся со времени покушенія Каракозова 4 апрѣля 1866 г. Запрещеніе *Русскаго Слова* и *Современника* тяжело отозвалось на самочувствіи Шелгунова. Вновь возникшій журналъ *Дѣло*, въ которомъ онъ принялъ дѣятельное участіе, подвергался ожесточеннымъ преслѣдованіямъ со стороны цензуры.

„Пишешь, пишешь, сидишь съ утра до вечера и только для того, чтобы цензура запрещала,—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Н. В. къ женѣ.—Изъ 48 листовъ, набранныхъ для первой книжки *Дѣла*, 22 запрещены. Подумаешь, что авторы пишутъ какіе-нибудь ужасы. Ничего не бывало. У меня было заготовлено нѣсколько статей. Однѣ изъ нихъ запрещены безусловно, о другихъ идутъ цензурные толки и разсужденія въ комитетѣ. Такое заглавіе, какъ „ученіе о нравственности“ считается нецензурнымъ, и необходимо придумывать болѣе приличное... Моихъ статей, которыя пробовали провести въ первую книжку, пропало на 600 пѣлковыхъ. Съ этимъ я бы еще помирился. Но у меня пропало время. Я рассчитывалъ, что напишу еще три статьи, и тогда на весь нынѣшній годъ комплектъ статей выполненъ, и я могу заняться мѣсяцъ или два другой работой... Теперь начинай снова. Лучше бы я провалился все время на диванѣ, задравъ ноги въ потолокъ, по крайней мѣрѣ, отдохнулъ бы. Вѣдь это камень Сизифа!...“ (стр. 198).

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Если бы ты знала, что сдѣлала цензура съ моей статьей въ этой книжкѣ! Изъ трехъ листовъ вычеркнула ровно полтора, и ничего въ статьѣ не поймешь...“

Лѣтомъ 66 года жена Шелгунова сообщала ему о своемъ желаніи вернуться въ Россію и пріѣхать къ нему. Разумѣется, это извѣстіе въ сильнѣйшей степени обрадовало Николая Васильевича, и онъ тотчасъ же начинаетъ строить планы о будущей совмѣстной жизни. Теперь онъ уже не хочетъ болѣе мириться съ Никольскомъ.

„Помни,—пишетъ онъ женѣ,—что въ Никольскѣ намъ жить нельзя: или въ губерніи, ближайшей къ Петербургу по желѣзной дорогѣ, или на Волгѣ, или въ Вологдѣ, или же въ ближайшихъ къ ней уѣздныхъ городахъ—Кадниковѣ или Грязовцѣ. Однимъ словомъ, на путяхъ сообщенія, поближе къ Петербургу и къ центрамъ той дѣятельности, которая будетъ давать намъ существованіе“ (стр. 193).

Въ то же время онъ проситъ жену лично похлопотать въ Петербургѣ о переводѣ его въ лучшую губернію или городъ, и даетъ ей по-

дробныя наставленія по этой части. Главное, чтобы поближе къ Петербургу. Если это окажется невозможнымъ, нужно просить о дозволеніи жить въ Подольѣ или же, наконецъ, въ Самарѣ. О Вологдѣ же можно просить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, „при отсутствіи всякой благопріятности“.

„Вообще,—писалъ Н. В. женѣ,—проси больше и упирай на то, что ты и я больные люди. Пусть посмотрятъ въ моему дѣлѣ; тамъ есть нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ, правдивость которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вологодская губернія то же, что тундра. Если меня ссылали, то, конечно, только для того, чтобы сдѣлать безвреднымъ, а не на преждевременную смерть. Я писалъ Долгорукову, что, если бы законъ требовалъ моей смерти, то судъ приговорилъ бы меня не къ ссылкѣ, а къ смертной казни. Неужели это для нихъ не будетъ понятно?“ ¹⁾.

Съ своей же стороны Н. В. 2 ноября (1866 г.) пишетъ губернатору новое письмо, въ которомъ просить его о переводѣ въ г. Грязовецъ.

„Слѣдующія причины,—пишетъ онъ,—побуждаютъ меня просить объ этомъ. Ко мнѣ возвращается изъ-за границы жена, женщина больная, нѣсколько лѣтъ лѣжившаяся на заграничныхъ водахъ и на разстроенное здоровье которой суровый климатъ сѣверо-востока Вологодской губерніи обнаружитъ губительное вліяніе.

„Дѣти наши, проводившія большую часть своей жизни за границей, будутъ страдать неизбежно. Я уже замѣтилъ это на сынѣ, находящемся при мнѣ, который съ прошедшей зимы боленъ груднымъ катарромъ.

„Можетъ быть, все это и не было бы особенно важно, если бы никольскій климатъ былъ менѣе суровъ и въ Никольскѣ имѣлись бы доктора и аптека.

„Я уже не ставлю въ числѣ важныхъ для меня причинъ свое собственное нездоровье.

„Просить о переводѣ именно въ Грязовецъ побуждаетъ меня еще и то обстоятельство, что это ближайшій къ Москвѣ городъ Вологодской губерніи и, слѣдовательно, всякое сокращеніе въ пути будетъ для моей жены выигрышемъ въ здоровье.

„Кромѣ того, подлѣ Грязовца есть желѣзные источники и, наконецъ, въ случаѣ нужды, есть всегда возможность обратиться къ помощи вологодскихъ докторовъ.

„Конечно, переводъ въ Вологду былъ бы для меня самымъ выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ; но, можетъ быть, просьба объ этомъ будетъ еще преждевременной.

¹⁾ „Изъ далекаго прошлаго“, стр. 195.

„Въ увѣренности, что ваше превосходительство не оставите моей просьбы безъ вниманія, имѣю честь быть“ и т. д.

Одновременно съ этимъ Шелгуновъ пишетъ письмо правителю канцеляріи вологодскаго губернатора Павлу Васильевичу Тишину, относительно котораго было извѣстно, что онъ имѣетъ большое вліяніе на Хоминскаго.

„Милостивый государь

„Павелъ Васильевичъ,

„Согласіе губернатора на переводъ меня изъ Тотмы въ Устюгъ п скорое по этому предмету распоряженіе я приписываю главнѣйше вашему содѣйствію.

„Въ настоящее время я рѣшаюсь снова утруждать васъ подобной же просьбой.

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ вамъ, я прошу губернатора о переводѣ меня въ Грязовецъ.

„Я не стану докучать вамъ повтореніемъ причинъ, потому что вы ихъ найдете въ письмѣ къ Stanisлаву Фаддѣвичу.

„Прошу васъ покорнѣйше помочь мнѣ еще разъ не только въ согласіи губернатора, но и въ возможно скоромъ офиціальномъ распоряженіи, чтобы я имѣлъ возможность переѣхать до наступленія холодовъ, не рискуя простудить своего сына.

„Я стѣсняюсь просить вашего содѣйствія въ переводѣ меня въ Вологду; но, конечно, это было бы лучшее, на что я могу теперь надѣяться“.

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что Николаѣ Васильевичъ хотя и просилъ о переводѣ его въ Грязовецъ, но въ душѣ, вѣроятно, рассчитывалъ, что его, быть можетъ, переведутъ въ губернской городъ Вологду, что, конечно, являлось для него наиболѣе желательнымъ. Однако, этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. 15 ноября губернаторъ предписываетъ николюскому исправнику „объявить г. Шелгунову, что такъ какъ городъ Грязовецъ не состоитъ въ числѣ пунктовъ, назначенныхъ для жительства политическихъ ссыльныхъ, то удовлетвореніе его ходатайства не зависитъ отъ власти губернатора, присовокупивъ, что если онъ желаетъ, то можетъ быть перемѣщенъ мною на его счетъ въ г. Кадниковъ“.

Въ отвѣтъ на это николюскій исправникъ доноситъ губернатору, что „отставной полковникъ Шелгуновъ принимаетъ переводъ его въ г. Кадниковъ съ благодарностью, но при этомъ проситъ ходатайства о разрѣшеніи ему слѣдовать туда изъ Никольска, для сбереженія расходовъ, безъ конвойнаго, по тому маршруту, который ему будетъ выданъ“. Сообщая объ этомъ, исправникъ съ своей стороны заявлялъ, что, по его мнѣнію, ходатайство Шелгунова возможно было бы удовлетворить, „въ

особенности потому, что онъ долженъ будетъ отправиться съ 2-лѣтнимъ сыномъ и нянькой“.

Въ самомъ дѣлѣ, при этихъ условіяхъ, кажется, можно было бы разрѣшить больному человѣку, имѣющему на рукахъ ребенка, проѣхать безъ конвойнаго изъ Никольска въ Кадниковъ. Но не тутъ-то было!

Губернаторъ пишетъ исправнику, что „переводъ отставнаго полковника Николая Шелгунова изъ г. Никольска въ г. Кадниковъ безъ конвойнаго, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ, не можетъ быть допущенъ“. вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ предписывалъ исправнику „отправить г. Шелгунова на его счетъ въ сопровожденіи полицейскаго служителя въ г. Кадниковъ къ тамошнему уѣздному исправнику, которому объ учрежденіи за Шелгуновымъ надзора вмѣстѣ съ симъ дано знать и которому вы не оставите сообщить все имѣющіяся о г. Шелгуновѣ свѣдѣнія“.

19 декабря 1866 года Николай Васильевичъ былъ отправленъ въ Кадниковъ на собственный счетъ въ сопровожденіи полицейскаго служителя, а „дѣло“ о немъ послано по почтѣ. Губернаторъ, получивъ донесеніе объ этомъ никольскаго исправника, написалъ на поляхъ: „не слѣдуетъ ли увѣдомить министерство?“ Между тѣмъ въ министерствѣ и въ III отдѣленіи шла въ это время усиленная переписка относительно Шелгунова.

Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1866 г. жена Николая Васильевича обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о переводѣ ея мужа на жительство въ другую губернію въ виду его болѣзненнаго состоянія. Министръ Валуевъ вошелъ по этому поводу съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю императору, который 13 декабря „Высочайше повелѣтъ соизволить: перевести Шелгунова изъ настоящаго мѣста жительства въ г. Кологривъ, Костромской губерніи, если онъ пожелаетъ воспользоваться этимъ перемѣщеніемъ, съ оставленіемъ его подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ“.

Разумѣется, Шелгуновъ пришелъ въ ужасъ отъ Кологрива, такъ какъ этотъ городъ еще болѣе отдалялъ его отъ Петербурга. Поэтому онъ наотрѣзъ отказывается отъ этого перевода, о чемъ и заявляетъ исправнику. Послѣдній донесъ губернатору, что Шелгуновъ „воспользоваться дозволеннымъ ему перемѣщеніемъ въ г. Кологривъ не можетъ по собственному его нездоровью и по семейнымъ обстоятельствамъ“.

Въ Кадниковѣ Шелгуновъ пріѣхалъ больнымъ, съ разбитыми до послѣдней степени нервами. „Я не усталъ, а изнемогъ,—пишетъ онъ женѣ.—Нѣтъ, уже старъ; хлопоты и движеніе мнѣ не подъ силу. Въ двѣ недѣли едва нашелъ квартиру и то уступилъ самъ жилецъ. Бывали дни, когда я бѣгалъ за квартирой съ утра до 9 часовъ вечера. Описывать все—нужно три печатныхъ листа. Нервы натянулись, какъ струны;

раздражаюсь теперь всякою мелочью; просто адъ. Жду тебя, какъ ангела-успокоителя. Нужно переѣзжать—нѣтъ кухарки. Новая бѣда“...

Въ то же время его крайне беспокоитъ мысль о томъ, что ихъ могутъ погнать въ Ветлугу, и вотъ онъ пишетъ женѣ: „Узнай отъ столоначальника секретнаго стола, насколько мы можемъ считать свое водвореніе въ Кадниковъ прочнымъ. Я все боюсь, чтобы не потурили насъ въ Ветлугу“.

По словамъ Л. П. Шелгуновой, съ осени и до января 1867 года она „обила въ Петербургѣ всѣ пороги, ѣздивши хлопотать по дѣламъ о переводѣ Николая Васильевича куда-нибудь въ болѣе благопріятный городъ“. Однако, въ концѣ-концовъ, ничего лучше Ветлуги и Кадникова выхлопотать не удалось.

27 декабря Шелгуновъ снова проситъ жену выяснитъ въ Петербургѣ вопросъ: „обязательна Ветлуга или нѣтъ“? „Безуміе оставлять Кадниковъ для Ветлуги,—пишетъ Н. В.—Первый отъ Вологды 42 версты, значитъ доктора рядомъ; вторая отъ Костромы больше 300 верстъ. Значитъ нужно оставаться въ Кадниковѣ во что бы то ни стало, если невозможно лучшее. Лишь бы не потревожили изъ Петербурга, а вологодскія власти оставить здѣсь“...

Такимъ образомъ даже за Кадниковъ приходилось трепетать Шелгунову въ его положеніи административнаго ссыльнаго. Недаромъ онъ какъ-то писалъ своей женѣ: „Если бы ты знала, какъ тяжела поднадзорная лямка!“

VIII.

Въ Кадниковѣ и Вологдѣ.

Наконецъ Л. П. Шелгунова пріѣхала въ Кадниковъ, къ своему „поднадзорному“ мужу. По ея словамъ, ихъ жизнь въ этомъ городѣ „шла спокойно, однообразно и страшно скучно“. Имъ пришлось прожить въ Кадниковѣ около года. „Къ веснѣ, когда еще не стаялъ снѣгъ,—читаемъ въ ея воспоминаніяхъ,—къ намъ пріѣхалъ Лавровъ¹⁾ съ своей старушкой матерью“. Конечно, пріѣздъ такого человѣка, какъ Лавровъ, долженъ былъ внести живую и свѣжую струю въ жизнь кадниковскихъ изгнанниковъ.

Изъ воспоминаній Л. П. Шелгуновой особенно интересна ея характеристика кадниковскаго уѣзднаго исправника, подъ надзоромъ котораго состоялъ Николай Васильевичъ и во власти котораго онъ находился.

„Исправникомъ въ Кадниковѣ,—пишетъ г-жа Шелгунова,—былъ че-

¹⁾ П. Л. Лавровъ-Миртовъ, авторъ „Историческихъ писемъ“, впоследствии редакторъ журнала *Впередъ*, издаваемаго за границей.

ловѣкъ безъ всякаго образованія, выслужившійся изъ почтальоновъ, и вотъ такой-то человѣкъ долженъ былъ цензурировать статьи Николая Васильевича передъ отправкой ихъ въ редакцію. Тѣ вечера, въ которые Н. В. ходилъ къ исправнику читать свои статьи, походили на операционные сеансы. Я ждала возвращенія уже совершенно обезсиленнаго, больного человѣка. Каждая фраза въ статьяхъ казалась исправнику подозрительной, или лучше сказать, что онъ не пропускалъ того, чего не понималъ, а онъ не понималъ очень многого, и Н. В. часа три объяснялъ ему, что статья эта пойдетъ въ цензуру, и что цензоръ не пропустить ничего мало-мальски подозрительнаго. Такой трехчасовой разговоръ съ почтальономъ могъ уложить и болѣе здороваго, чѣмъ Шелгуновъ, человѣка“ (стр. 203).

„Но вдругъ ссыльный страшно поднялся въ глазахъ уѣзднаго общества,—разсказываетъ г-жа Шелгунова,—и случилось это вотъ вслѣдствіе чего“. Въ Кадниковѣ проѣздомъ остановился князь Суворовъ ¹⁾, занимавшій передъ тѣмъ постъ петербургскаго генераль-губернатора. Всѣ уѣздныя власти, разумѣется, съ трепетомъ явились къ важному петербургскому сановнику, личная близость котораго къ государю Александру II была всѣмъ извѣстна. Шелгуновъ отправился къ князю Суворову „въ видѣ частнаго лица“.

„Жена Суворова,—пишетъ г-жа Шелгунова,—была подругой по Смольному монастырю съ моей матерью, и онѣ остались близкими до самой смерти и постоянно видѣлись. Въ ту минуту, какъ Николай Васильевичъ вошелъ въ залъ, гдѣ представлялось уѣздное начальство, и Суворовъ замѣтилъ его, онъ подошелъ къ нему, расцѣловался съ нимъ и, обнявъ его, увелъ въ гостиную, гдѣ и сѣлъ, чтобы хорошенько поговорить. Послѣ такъ явно оказаннаго предпочтенія передъ всѣми, акціи Николая Васильевича сильно поднялись, и его почему-то перевели въ губернскій городъ Вологду“.

20 іюня 1867 года получила бумага отъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который писалъ губернатору, что онъ „призналъ возможнымъ, вслѣдствіе сообщенной ему изъ III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи просьбы состоящаго въ гор. Кадниковѣ подъ надзоромъ полиціи отставнаго полковника Шелгунова перевести его на жительство въ гор. Вологду, съ продолженіемъ за нимъ тамъ *полицейскаго надзора*“.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, всегда предписывалось имѣть за Шелгуновымъ „строгий полицейскій надзоръ“. Теперь слово „строгий“ исчезаетъ и остается просто „полицейскій надзоръ“. Далѣе мы убѣдимся,

¹⁾ По словамъ Л. Ф. Пантелѣева у князя Суворова было имѣніе въ Вологодской губерніи.

во-первыхъ, что и въ этой формѣ полицейскій надзоръ въ достаточной степени отравлялъ жизнь человѣка, имѣвшаго несчастье подвергнуться административной ссылкѣ, а, во-вторыхъ, что эпитетъ „строгій“ вскорѣ снова возродился въ официальной перепискѣ въ примѣненіи къ Шелгунову.

✓ О жизни Николая Васильевича въ Вологдѣ имѣется свидѣтельство г-жи Шелгуновой, а также двухъ писателей вологжанъ: А. В. Круглова и П. В. Засодимскаго. Необходимо, однако, отмѣтить, что свѣдѣнія, приводимыя обоими только что названными писателями въ своихъ воспоминаніяхъ о Шелгуновѣ, крайне скудны и отрывочны. Такъ, г. Кругловъ отмѣчаетъ только одну черту Николая Васильевича, его доброту и чуткое, отзывчивое отношеніе къ чужой нуждѣ.

„Для характеристики доброты покойнаго публициста (Н. В. Шелгунова) замѣчу,—пишетъ г. Кругловъ,—что онъ не разъ помогаль бѣднымъ ученикамъ, содержаль цѣлую бѣдную семью и буквально спасъ одну дѣвушку отъ паденія, давши ей возможность пережить двухмѣсячную безработицу. Онъ такъ щедро платилъ за переписку (семьдесятъ пять копеекъ съ листа), что отъ желающихъ не было отбоя“¹⁾. Но о положеніи Шелгунова въ качествѣ политическаго ссыльнаго г. Кругловъ не говоритъ ни одного слова.

Другой вологодскій уроженецъ, П. В. Засодимскій въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи въ Вологдѣ П. Л. Лаврова и Н. В. Шелгунова, сообщаетъ, что въ то время, то-есть въ концѣ 60-хъ годовъ, политическіе ссыльные „въ большинствѣ устраивались сносно, съ мѣстнымъ населеніемъ жили въ ладу, общество уже привыкло къ нимъ, не смотрѣло на нихъ, какъ на лютыхъ злодѣевъ, да и тогдашній губернаторъ, генераль Хоминскій, не притѣснялъ ихъ. Ссылные были приняты въ общество; у иныхъ изъ нихъ завязывались здѣсь прочныя дружескія связи, иные поженились здѣсь“²⁾.

Въ частности, относительно Николая Васильевича г. Засодимскій сообщаетъ, что Шелгуновъ, наприм., „нашелъ въ Вологдѣ много искреннихъ друзей и самыхъ горячихъ почитателей и почитательницъ. Онъ былъ желаннымъ гостемъ въ нашихъ лучшихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ, почтенномъ семействѣ воинскаго начальника, генерала Э. Н. Степанова и друг.“ (стр. 502).

По поводу только что приведенныхъ свѣдѣній г. Засодимскаго о положеніи въ концѣ 60-хъ годовъ политическихъ ссыльныхъ въ Вологод-

¹⁾ *Историческій Вѣстникъ*, 1894 г., статья А. В. Круглова: „Наканунъ“ стр. 652.

²⁾ „Страничка изъ литературныхъ воспоминаній“, П. В. Засодимскаго. *Историческій Вѣстникъ*, года и мѣсяца не знаю, такъ какъ цитирую по оттиску, полученному мною авторомъ воспоминаній.

ской губерніи, я не могу не замѣтить, что свѣдѣнія эти черезчуръ грѣшатъ явнымъ оптимизмомъ и совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Послѣ того, что было сообщено нами въ этомъ очеркѣ о жизни въ ссылкѣ Н. В. Шелгунова, мы думаемъ, что нѣтъ надобности подробно опровергать черезчуръ оптимистическіе свѣдѣнія и выводы г. Засодимскаго, явившіеся очевидно благодаря полному незнакомству названнаго автора съ затронутымъ имъ мимоходомъ вопросомъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ изъ Устюга Н. В. упрекалъ знакомую молодую дѣвушку, жившую съ его женой въ Швейцаріи, за то, что она „не хочетъ заглянуть въ душу человѣка, паходящагося въ томъ положеніи“, въ которомъ находится онъ въ Вологодской губерніи. И затѣмъ, рядомъ съ этимъ, сообщаетъ, что онъ недавно видѣлъ господина (очевидно, изъ мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ), „который по опыту говорить, что въ крѣпости сидѣть легче, чѣмъ быть въ ссылкѣ“... Мы думаемъ, что и г. Засодимскій также „не захотѣлъ заглянуть въ душу“ тѣхъ людей, которые томились въ глуши его родной губерніи.

Л. П. Шелгунова также очень немного сообщаетъ о жизни въ Вологдѣ, гдѣ они съ мужемъ вели свѣтскій образъ жизни и дѣйствительно были знакомы со многими „лучшими домами“. По „шумное веселье нашей вологодской жизни,—пишетъ г-жа Шелгунова,—въ сущности вовсе не было весельемъ, и Николай Васильевичъ по поводу его очень мѣтко приводилъ стихъ изъ оперы „Аскольдова могила“:

„Отъ тоски мы ихъ поемъ!...“

„Дѣйствительно, многое, очень многое, что не дѣлалось бы на свободѣ, дѣлалось тутъ отъ тоски“.

IX.

„Строгій полицейскій надзоръ“.

Недолго однако пришлось Шелгуновымъ спокойно пожить въ Вологдѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ переезда ихъ въ этотъ городъ, какъ вдругъ возникло „дѣло“, причинившее имъ немало волнений и непріятностей. „До свѣдѣнія губернатора дошло“, что довѣренный крупнаго помѣщика Лихачева, г. Морозовъ, жившій въ Кадниковѣ—„отдалъ въ Вологду шестилѣтнюю дочь свою на воспитаніе находящемуся подъ полицейскимъ надзоромъ Шелгунову“.

Боже мой, какая буря началась по этому поводу! Необходимо замѣтить, что должность губернатора въ это время исправлялъ вице-губернаторъ М. Коніаръ, реакціонныя выходки котораго впослѣдствіи получили немалую извѣстность.

„До свѣдѣнія моего дошло,—пишетъ онъ вологодскому полицеймейстеру,—что у находящагося подъ надзоромъ полиціи въ Вологдѣ г. Шелгунова воспитывается съ недавняго времени шестилѣтняя дочь почетнаго гражданина Морозова, жительствоующаго въ г. Кадниковѣ, въ качествѣ повѣреннаго Лихачева и что за воспитаніе назначена Шелгунову годовая плата въ 400 рублей. Такъ какъ Шелгуновъ, находясь за неблагонадежность образа мыслей (!) подъ строгимъ (?) надзоромъ полиціи, не можетъ быть и благонадежнымъ воспитателемъ юношества и что всякое послабленіе ему въ этомъ отношеніи не можетъ быть терпимо, я поручаю вамъ немедленно взять отъ него и представить мнѣ подписку какъ въ томъ, что онъ обязывается возвратить дочь Морозова ея родителямъ, о принятіи которой мною сдѣлано распоряженіе, такъ и въ томъ, что Шелгуновъ впредь не будетъ заниматься воспитаніемъ юношества и ни въ какомъ случаѣ не будетъ дозволять себѣ такихъ дѣйствій, которыя правительствомъ прямо запрещены лицамъ, находящимся въ его положеніи“.

Въ тотъ же день и. д. губернатора пишетъ кадниковскому исправнику объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ „находящимся подъ полицейскимъ надзоромъ г. Шелгуновымъ“. „Сдѣлавъ нынѣ распоряженіе о воспрещеніи сему послѣднему брать подъ свое попеченіе и на воспитаніе дѣтей,—писалъ губернаторъ,—я предписываю вамъ *обязать подпискою* г. Морозова немедленно взять дочь отъ Шелгунова. Объ исполненіи чего мнѣ донести“.

Разумѣется, Николай Васильевичъ не замедлилъ тотчасъ же разъяснить эту возмутительную и дикую исторію. Вотъ его объясненіе, данное и. д. вологодскаго полицеймейстера.

„На сдѣланное мнѣ г. правящимъ должностъ вологодскаго полицеймейстера заявленіе имѣю честь объяснить, что я живу исключительно литературнымъ трудомъ, и воспитаніемъ дѣтей, если бы даже имѣлъ на то право, заниматься бы не сталъ, считая такое дѣло для себя невыгоднымъ.“

„Что же касается до дочери г. Морозова, то ее дѣйствительно *взяла къ себѣ моя жена, не находящаяся подъ надзоромъ полиціи и потому не лишенная никакихъ правъ*. О причинахъ, по которымъ г. Морозовъ отдалъ свою дочь моей женѣ, я не считаю удобнымъ говорить въ настоящей подпискѣ и объясненіе ихъ можетъ быть отобрано отъ самого г. Морозова.—Отставной полковникъ Н. Шелгуновъ“.

Внизу приписка: „Подписку отбиралъ и. д. полицеймейстера приставъ Мироносицкій.—17 августа 1867 года“.

Въ свою очередь кадниковскій исправникъ также слѣдуетъ „во исполненіе предписанія г. исправляющаго должностъ начальника Вологодской губерніи“ представить „отзывъ повѣреннаго Лихачева, г. Морозова, объ

отозваніи (!) имъ дочери своей изъ дома находящагося подъ полицейскимъ надзоромъ Шелгунова“. А вотъ и самый „отзывъ“ г. Морозова.

„Господину казниковскому уѣздному исправнику.

Почетнаго гражданина Николая Александрова Морозова

Отзывъ.

„Честь имѣю объяснить вашему высокоблагородію, что семилѣтнюю дочь свою находящемуся подъ полицейскимъ надзоромъ Шелгунову на воспитаніе я не отдавалъ, а отдалъ ее для обученія иностраннымъ языкамъ и музыкѣ г-жѣ Шелгуновой, не имѣя въ виду, находится она или нѣтъ подъ полицейскимъ надзоромъ и не зная, что имѣетъ она или не имѣетъ права обучать дѣтей. Но получивъ въ Вологдѣ приказъ (!) взять дочь свою, я немедленно требованіе начальства исполнилъ, взявъ ее отъ г-жи Шелгуновой 17 августа, въ чемъ имѣю честь представить вашему высокоблагородію удостовѣреніе исправляющаго должность полиціймейстера пристава Мироносицкаго“.

Наконецъ, 19 августа и. д. полиціймейстера доносить губернатору, что „г. Морозовымъ, находившимся въ г. Вологдѣ, по личному (sic) приказанію вашего превосходительства, дочь его изъ дома г. Шелгунова взята и передана на воспитаніе вдовѣ поручика Надеждѣ Михайловнѣ Камевичъ“.

Такимъ образомъ благодаря энергіи г. Коніара отечество было спасено отъ угрожавшей ему опасности,—хотя и не безъ явнаго нарушенія основныхъ и элементарныхъ гражданскихъ правъ и г-жи Шелгуновой, и „почетнаго гражданина“ Морозова. Но развѣ возможно говорить о какихъ-то гражданскихъ правахъ тамъ, гдѣ административная ссылка получила самое широкое примѣненіе?...

Х.

Послѣдніе этапы.

Послѣ всего сказаннаго, надѣмся, будутъ вполне понятны тѣ усилія, которыя дѣлалъ Николай Васильевичъ, чтобы освободиться отъ положенія „поднадзорнаго“ или, по крайней мѣрѣ, какъ-нибудь улучшить это положеніе. 23 февраля 1868 года онъ подаетъ губернатору новую докладную записку такого содержанія:

„Позволяю себѣ смѣлость утруждать ваше превосходительство слѣдующею просьбою.

„Мое здоровье, разстроенное еще на службѣ, было окончательно потрясено двадцатимѣсячнымъ одиночнымъ заключеніемъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ и послѣдующей ссылкой въ Вологодскую губернію.

„Со времени же перевода меня въ Вологду я чувствую, что мое здоровье слабѣетъ съ каждымъ днемъ.

„Я человѣкъ уже не первой молодости, а климатъ Вологодской губерніи далеко не обладаетъ цѣлебными свойствами, чтобы мнѣ не бояться за свое будущее.

„Но даже и эти обстоятельства не дали бы мнѣ смѣлости беспокоить ваше превосходительство, если бы во мнѣ не было увѣренности, что своимъ политическимъ поведеніемъ я не далъ вашему превосходительству повода питать на себя хотя тѣнь неудовольствія.

„Нездоровье и понятное желаніе приблизить минуту освобожденія заставляютъ меня искать возможности перевода въ другую, лучшую мѣстность.

„Просить о снятіи съ меня полицейскаго надзора было бы, конечно, преждевременно.

„Но если бы вашему превосходительству было угодно не отказать мнѣ въ моемъ благосклонномъ вниманіи, то я позволилъ бы себѣ смѣлость просить васъ приказать отправить прилагаемая при семъ письма къ шефу жандармовъ и къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, по назначенію, и не отказать мнѣ въ вашемъ ходатайствѣ о переводѣ меня въ г. Ярославль“.

Губернаторъ Хоминскій на этой запискѣ кладетъ резолюцію: „представить“. И дѣйствительно, въ тотъ же день письма Николая Васильевича на имя министра и шефа жандарма губернаторъ отправляетъ „по принадлежности“, при особыхъ представленіяхъ, въ которыхъ излагаетъ просьбу Шелгунова о переводѣ его въ Ярославль, въ виду того, что „климатъ города Вологды, лежащаго въ сырой низменности, вредно дѣйствуетъ на его разстроенное здоровье“. Въ заключеніе своихъ представленій губернаторъ писалъ какъ министру, такъ и шефу жандармовъ: „Принимая во вниманіе, что полковникъ Шелгуновъ во все время состоянія подъ надзоромъ полиціи велъ себя одобрительно, я со своей стороны полагалъ бы возможнымъ удовлетворить означенную его просьбу“.

Вообще, губернаторъ видимо желалъ исполнить просьбу Н. В.—ча; въ этихъ видахъ онъ приложилъ къ своимъ представленіямъ аттестаціи Шелгунова за время его пребыванія въ ссылкѣ. Привожу здѣсь эти аттестаціи безъ всякихъ измѣненій:

За 1865 годъ: „Поведенія хорошаго; вреднаго образа мыслей не обнаруживаетъ ни въ письмахъ, ни въ личныхъ сношеніяхъ“.

За 1866 годъ: „Ведетъ жизнь весьма тихую и скромную и потому пользуется въ обществѣ уваженіемъ. Образа мыслей не высказываетъ. Переписку имѣетъ только съ ближайшими родными и съ редакціями журналовъ“.

За 1867 годъ: „Поведенія хорошаго; вредныхъ мыслей не обнаруживаетъ; пользуется выгоднымъ общественнымъ мнѣніемъ“.

Но,—увы!—министерство осталось непоколебимымъ: ни лестныя аттестаціи о политическомъ поведеніи Шелгунова, ни свидѣтельства администраціи о вредномъ вліяніи сѣвернаго климата на его расшатанное здоровье—ничто не тронуло министерство и не побудило его удовлетворить болѣе чѣмъ скромное ходатайство.

10 іюля 1868 года министерство внутреннихъ дѣлъ извѣстило вологодскаго губернатора, что „въ виду причинъ, вызвавшихъ высылку состоящаго подъ надзоромъ полиціи въ г. Вологдѣ отставнаго полковника Николая Шелгунова, министерство признаетъ неудобнымъ ходатайствовать о переводѣ его въ г. Ярославль“. Объ этомъ предлагалось губернатору „объявить просителю“. Конечно, это предложеніе было тогда же исполнено. На министерской бумагѣ имѣется подписка Николая Васильевича: „О содержаніи настоящаго предложенія министерства слышалъ. Отставной полковникъ Н. Шелгуновъ“.

Только въ апрѣлѣ 1869 года министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, наконецъ, возможнымъ перевести Шелгунова изъ Вологды въ Калугу „подъ такой же полицейскій надзоръ“. Бумага объ этомъ подписана министромъ генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ и директоромъ „департамента полиціи исполнительной“ Косаговымъ.

Губернаторъ предлагаетъ полицеймейстеру сдѣлать распоряженія объ отправкѣ Н. В. Шелгунова въ г. Калугу „установленнымъ порядкомъ, подъ надлежащимъ присмотромъ“. 3 мая полицеймейстеръ доноситъ губернатору, что Шелгуновъ „заявилъ просьбу о пріостановленіи на нѣкоторое время высылки его въ г. Калугу по домашнимъ обстоятельствамъ“.

Министерство разрѣшило Николаю Васильевичу „переездъ въ Калугу безъ сопровожденія конвойныхъ, во вниманіе къ недостаточности средствъ Шелгунова для уплаты конвойнымъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ въ оба пути,—но съ обязательствомъ слѣдовать по назначенію прямымъ путемъ, согласно маршруту,—и по прибытіи явиться немедленно къ калужскому губернатору“.

Въ Калугѣ Н. В. оставался въ ссылкѣ до 1874 года, когда ему разрѣшено было переѣхать въ Новгородъ, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, въ Выборгъ. Тѣмъ не менѣе, однако, все это время онъ продолжалъ состоять подъ надзоромъ полиціи, который, конечно, не могъ не стѣснять его въ сильнѣйшей степени. Кромѣ того, онъ не имѣлъ права жить въ Петербургѣ, куда давно уже влеклись всѣ его симпатіи. Только въ концѣ 70-хъ годовъ онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе поселиться въ Петербургѣ, чѣмъ, разумѣется, и воспользовался.

Избавившись отъ надзора полиціи, получивъ свободу и возможность

жить въ Петербургѣ, Николай Васильевичъ всецѣло отдается литературной работѣ. Онъ быстро ориентировался среди разнообразныхъ общественныхъ, литературныхъ и политическихъ теченій того времени и сразу занимаетъ позицію, которая вскорѣ же привлекаетъ къ нему сочувственное вниманіе наиболѣе чуткихъ словесъ читающей публики.

Освобожденіе подѣйствовало на Шелгунова самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ видимо воспрянулъ духомъ, что тотчасъ же сказалось на его работѣ: отъ его статей вѣяло бодростью и энергіей молодости. Можно было подумать, что всѣ пережитыя имъ испытанія не оставили никакого слѣда въ его душѣ. Но если всѣ эти испытанія, эти долгіе годы ссылки и тюрьмы оказались безсильными сломить его духъ, его энергію, то на его здоровьѣ, на его физическомъ состояніи они оставили, конечно, глубокий, страшный слѣдъ. Читатели, видимо, сознавали это.

И когда смерть грубо оборвала эту полезную жизнь, эту энергическую дѣятельность, — русское общество, русскій читатель глубоко почувствовали горькую, тяжелую утрату и тотчасъ же горячо отозвались на нее. Похороны Н. В. Шелгунова, происходившіе въ Петербургѣ 15 апрѣля 1891 года, составили весьма крупное событіе общественной жизни. Не одна интеллигенція, не одна молодежь приняли живое участіе въ похоронахъ популярнаго писателя, но и болѣе широкіе слои столичнаго населенія. Петербургскіе рабочіе явились на похороны Николая Васильевича въ большомъ количествѣ; ихъ депутація возложила на гробъ борца-публициста вѣнокъ съ красными лентами и надписью: „Указателю пути къ свободѣ и братству — отъ петербургскихъ рабочихъ“ ¹⁾.

Это было едва ли не первое открытое выступленіе русскихъ рабочихъ на аренѣ общественной жизни. Самыя похороны, какъ извѣстно, приняли характеръ весьма внушительной демонстраціи, имѣвшей, по описанію очевидцевъ, „величественный видъ“. „Громадный, въ нѣсколько сотъ голосовъ хоръ стройно, подъ управленіемъ студента-медика С. Е. К—аго, дирижировавшаго студенческой фуражкой, пѣлъ могучее, красивое, концертное „Святый Боже...“ Вѣнки съ развѣвающимися лентами торжественно плыли надъ толпой, какъ побѣдные трофеи, подъ яркими лучами рѣдкаго въ Петербургѣ солнца. Во всей провожавшей

¹⁾ Такъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, В. С. Голубевъ въ своей статьѣ, посвященной памяти Н. В. Шелгунова (*Былое*, 1906 г., № 12). По словамъ другого участника этихъ похоронъ, Е. В. Гешина, рабочіе Путиловскаго завода возложили на гробъ Н. В. вѣнокъ съ черными лентами, такъ какъ „о красныхъ тогда и не мечтали“, съ надписью: „Поборнику демократическихъ идеаловъ“ (*Минувшіе Годы*, 1908 г., № 11 „Шелгуновская демонстрація“). Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что рабочими на гробъ Н. В. были возложены два вѣнка.

Шелгунова толпѣ чулась какая-то сила, открытый вызовъ всеугнетавшей реакціи. И толпа эта (было 6—7 тысячъ) медленно, спокойно, подъ громкое, полное силы пѣніе, шла, заполняя собою улицу и тротуары, вызывая удивленіе прохожихъ...”

Изъ рѣчей, которыя были сказаны на могилѣ умершаго писателя, сильное впечатлѣніе произвела на присутствующихъ рѣчь П. В. Засодимскаго, лично знавшаго покойнаго.—„Шелгуновъ умеръ,—Шелгуновъ живъ“,—такими словами начиналась эта рѣчь,—„живы тѣ идеи, которыми онъ служилъ всю жизнь и за которыя пострадалъ“... Судя по воспоминаніямъ одного изъ участниковъ похоронъ, впечатлѣніе этой рѣчи на присутствовавшихъ можно было формулировать такъ: „Шелгуновъ умеръ, но его призывъ къ борьбѣ за свѣтлое будущее не умеръ и не умретъ никогда...“

А. Пругавинъ.